

*55-летию Победы
в Великой Отечественной войне посвящается*

ОХТА, ПОРОХОВЫЕ В ГОДЫ БЛОКАДЫ

ИЗ ОХТИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Выпуск четвертый

74.200.585.4
092

*Сборник вышел в свет благодаря финансовой поддержке
Отдела по культуре Красногвардейского территориального
управления*

Составители: Е. М. Мухина, Д. Ю. Шерих

Редактор: Д. Ю. Шерих

Фотограф: В. М. Саблин

092 **Охта, Пороховые в годы блокады.** — СПб., издательство
«Петербург — XXI век», 2000.
ISBN 5-88485-086-7

74.200.585.4

К читателю

Пять лет назад вышел в свет первый сборник «Из охтинской летописи». И стал событием. Кажется, впервые тогда школьники одного из петербургских районов написали о своем районе целую книгу. И книга эта, по общему признанию, получилась вполне на уровне обычных, «взрослых» изданий.

Теперь перед читателем лежит уже четвертый выпуск нашего сборника. Он особенный, тематический — в год 55-летия Победы иного, наверное, и быть не могло. Тем более, что в охтинской истории огромное множество эпизодов и глав, связанных с минувшей войной.

Уровень ребяческих работ в этом сборнике читатель сможет оценить сам. Скажу лишь самое общее. Они очень разные, эти работы: от дотошного многомесячного исследования до достаточно краткого реферата. Различаются работы и стилистически, и тематически. Памятники войны на территории района, блокадная судьба школ и детских домов, судьба летчика Леонида Белоусова, история танка КВ — вот только некоторые из тем.

По традиции, в сборнике со школьниками соседствуют взрослые. Прежде всего это Евгения Михайловна Мухина, многолетний и бессменный методист ДДЮ на Ленской, руководитель научного общества юных краеведов «Охтинец». В какой-то степени она является соавтором почти всех напечатанных здесь работ; ее перу принадлежат и три главки о промышленности района в годы блокады. Другой взрослый участник сборника — Нина Николаевна Коновалова, ветеран войны, участница ленинградской блокады. Ее воспоминания о тех далеких днях, неразрывно связанные с Охтой, во многом перекликаются с работами наших авторов.

Еще несколько обязательных слов. Во-первых, все ребяческие работы включены в сборник не полностью, а лишь наиболее интересными фрагментами. Пожертвовать пришлось многим, но — увы! — таковы рамки допустимого для нас объема. Во-вторых, особо хочется отметить помощь районной администрации — без нее сборник не увидел бы свет. И конечно, необходимо сказать добрые слова учителям, консультантам, родителям наших юных авторов — без их помощи, поддержки и участия все эти работы вряд ли были бы написаны.

Д. Ю. ШЕРИХ
член Совета Института С.-Петербурга

Содержание

<i>Д. Шерих.</i> Предисловие	3
I. Охта, Пороховые в годы блокады	
<i>Е. Мурер.</i> Начало войны	5
<i>Е. Мурер.</i> По местам блокадной памяти	6
<i>Е. Мухина.</i> Промышленность района в годы блокады	12
<i>Е. Мухина.</i> Фабрика «Пятилетка» — городу-фронту	15
<i>Е. Мухина.</i> Охтинцы в тылу и на передовой	18
<i>Е. Мурер.</i> Организации и учреждения в годы блокады	23
<i>Е. Пономарева.</i> Аэродром в годы Великой Отечественной войны	32
<i>Е. Мурер.</i> Память людям нужна...	35
II. Люди блокады	
<i>С. Абрамова.</i> Опаленные блокадой.	41
<i>Е. Бурмистрова.</i> Человек-легенда.	44
<i>М. Калинин.</i> Герой Советского Союза Алия Молдагулова	50
<i>Н. Коновалова.</i> Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны	59
<i>И. Эрхитуева.</i> Блокада глазами ребенка	68
III. По дорогам войны	
<i>А. Аязан.</i> Театр кукол Е. С. Деммени в годы войны	72
<i>М. Бигун.</i> По дорогам войны вместе с А. С. Пушкиным	75
<i>А. Вонтова.</i> Рождение блокадного театра.	80
<i>А. Ракитин.</i> Танк КВ.	84

ОХТА, ПОРОХОВЫЕ В ГОДЫ БЛОКАДЫ

Из Охтинской летописи

Выпуск четвертый

Редактор *Д. Ю. Шерих*

Корректор *Г. А. Ефремов*

Технический редактор *С. И. Раснюк*

Компьютерная верстка *А. Н. Соколов*

Подписано в печать 30.09.2000.

Формат 60x90 ¹/₁₆. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 6,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 251.

Издательство «Петербург — XXI век».

ЛП № 000197 от 18.06.99.

196070, СПб, Московский пр., 163, корп. 2, офис 306.

Тел. (812) 298-64-31.

ГИПП «Искусство России»

198099, СПб, Промышленная ул., 38/2.

Тел. 186-87-17

В КРАСНОГВАРДЕЙСКОМ РАЙОНЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА:

- 17 793 человека имеют знак «Житель блокадного Ленинграда»;
- 6035 человек награждены медалью «За оборону Ленинграда»;
- 10 человек имеют звание «Герой Советского Союза»;
- 3 человека — Полные кавалеры ордена Славы;
- 12 человек награждены орденом Александра Невского;
- 12 человек — участники Парада Победы в Москве на Красной площади

На территории района установлено 25 памятников, мемориальных досок и памятных знаков, посвященных событиям Великой Отечественной войны и героическим защитникам Ленинграда.

I. ОХТА, ПОРОХОВЫЕ В ГОДЫ БЛОКАДЫ

МУРЕР Екатерина, 533 школа, 11 класс

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Еще накануне войны люди жили своей спокойной повседневной жизнью, не думая о трудностях, которые придется им пережить. Но настал роковой день — 22 июня 1941 года.

С первого дня войны военкоматы стали осаждать люди. Только 22 и 23 июня на сборные пункты военкоматов явилось с повестками и без повесток около 100 тысяч ленинградцев. Все они требовали отправить их в действующую армию. С 23 июня по 1 октября 1941 года Ленинград дал Красной Армии (не считая бойцов народного ополчения и других добровольческих формирований) около 180 тысяч человек.

Однако немцы все ближе и ближе подходили к столицам нашей страны. Уже 25 августа Ленинград объявлен на осадном положении.

Город готовился к защите, и свою роль в этой подготовке сыграл Красногвардейский район.

С июня по август 1941 года райкомы ВЛКСМ и работники районных отделений НКВД формировали отряды по борьбе с диверсантами и ракетчиками. Им надлежало нести службу в вечерние и ночные часы, особенно во время налетов вражеской авиации. Оперативные группы этих отрядов дежурили у подъездов этих домов, на крышах зданий, помогали охранять посты, склады, электростанции и другие важные объекты. Комсомольская организация Красногвардейского района сформировала три отряда: два для охраны железнодорожных путей и один для борьбы с вражескими налетчиками. Кроме того районный комитет комсомола сформировал из 6 тысяч юношей и девушек комсомольский полк, его задачей было в свободное от работы время патрулировать улицы города.

Огромное значение в битве за Ленинград имело создание оборонительных сооружений. Десятки тысяч ленинградцев одновременно были заняты на их строительстве. Ближе всего противник подошел к городу с юга, и для прикрытия этого направления были в короткие сроки построены несколько укрепленных линий. Одна из них проходила через поселок Шаумяна.

Организирующую и цементирующую роль в этих работах сыграли партийные организации и рабочие. Рабочие предприятий Красногвардейского района одни из первых установили нормы выработки на строительстве оборонительных рубежей.

8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда. В этот день в 18 часов 55 минут немецкая авиация произвела ожесточенный налет на город, сбросив 6327 зажигательных бомб. Пострадали в основном Московский и Смольненский районы, а также Красногвардейский район (сюда попало 16 бомб), который немцы считали основным производителем военной продукции.

В районах, где могли приземляться немецкие парашютисты, были оборудованы пулеметные и огневые точки. Среди наиболее вероятных пунктов, где ожидали высадки вражеской авиации, были Пороховые и Охта. Здесь установили зенитные пулеметы. Кроме того, возводились газо- и бомбоубежища, рыли индивидуальные окопы, щели, укрытия. Расчищались сектора обстрела, готовились скрытые пути, дома превращались в крепости.

Охта и Пороховые готовились с оружием в руках встретить врага.

ПО МЕСТАМ БЛОКАДНОЙ ПАМЯТИ

Шоссе Революции

Зима 1941—1942 годов. К мучительному голоду прибавился еще и холод. Квартиры не отапливались. Чтобы хоть как-то согреться, люди жгли мебель, книги, заборы, деревянные дома. Особенно много разобрали и сожгли домов на Охте. Разобрали деревянные трибуны стадионов, часть деревянных построек в парках, а также популярные в народе «американские горки», но все это сгорало быстро, как фейерверк.

Продовольственные запасы резко сокращались. Еще только 13 ноября рабочие получали 300 граммов хлеба в сутки, служащие, иждивенцы и дети до 12 лет по 150 граммов, а уже 20 ноября эти нормы снизились до 250 граммов рабочим и детям — 125.

Необходим был выход из создавшегося положения. И он был найден. С 22 ноября 1941 года стала действовать «Дорога жизни». Значение «Дороги жизни» невозможно переоценить. Она спасла многим ленинградцам жизнь и была путем, по которому осуществлялась связь со всей страной.

В тяжелые годы войны и блокады Ленинграда Большая Охта практически являлась частью легендарной «Дороги жизни», так как здесь, в Красногвардейском районе в начале Шоссе Революции сливались два потока транспорта, идущих от Финляндского вокзала и Смольного. На углу Большеохтинского проспекта и Шоссе Революции находился первый регулировочный пост, на-

Стела, посвященная событиям Великой Отечественной войны, на Шоссе Революции

том числе и на предприятиях Полюстрова. Особенно большую роль сыграла дорога в канун операции «Искра», направленной на прорыв блокады Ленинграда в январе 1944 года.

Сегодня об этих событиях напоминает нам кинотеатр «Ладога», названный в честь «Дороги Жизни».

Ржевка

В годы Великой Отечественной войны Ржевка сыграла практически ту же роль, что и «Дорога Жизни». Железнодорожная станция Ржевка находилась на единственно действующей в это время железнодорожной линии — Ириновской. Через нее проходили важные грузы с «Большой земли», разгружалось продовольствие, прибывающее через Ладогу, уходили эшелоны с оборудованием предприятий, эвакуированными из Ленинграда. Через эту станцию в феврале 1943 года прошел первый поезд в Ленинград после прорыва блокады.

29 марта 1942 года в 4 часа утра противник начал артиллерийский обстрел станции. В это время на станции находилось около 400 железнодорожных вагонов, 130 из них были с боеприпасами. При обстреле снаряд попал в один из вагонов, произошел взрыв огромной силы. Он

вызвал большие разрушения с человеческими жертвами. В результате взрыва были разбиты и разрушены здание станции Ржевка, военный городок Ржевка, военный городок на полигоне, много жилых домов в первом и втором рабочем поселке, а также на ближайших улицах. Взрывной волной были выбиты стекла и наружные двери Охтинского химкомбината и фабрики «Пятилетка». В радиусе 15 км одновременно возникло около 20 очагов пожара. Разрушено около 300 строений. Убито и ранено 636 человек. Взрывы боеприпасов продолжались в течение 12 часов. Из воспоминаний взрывника В. Калинина: «Осколки снарядов и мин буквально засыпали территорию. Вместе с ними разлетались неразорвавшиеся снаряды и мины, горящие ракеты, патроны, гранаты и мешочки с порохом...»

Все силы МПВО Красногвардейского района и города были брошены в очаг поражения: саперы, пожарные, медики, невзирая на опасность, оказывали помощь пострадавшим, спасали военные грузы.

На помощь пожарным близрасположенные предприятия послали группу своих рабочих. Людям трудно было тушить пожары в обстановке постоянных взрывов. Они вели борьбу не на жизнь, а на смерть. Во время тушения пожара погибла девушка-боец А. С. Стаценко, пораженная осколком мины. Несколько пожарных были ранены. В течение многих часов они рисковали жизнью. Огонь был ликвидирован к 17 часам. Пожарным и бойцам воинских подразделений удалось спасти более 50 вагонов с боеприпасами, а затем, уже к утру, закончили восстановительные железнодорожные работы, расчищена была территория от неразорвавшихся снарядов. Десять часов упорной и опасной работы потребовалось для ликвидации пожара, а через два дня станция вновь вступила в строй.

Еще одной Дорогой Жизни являлся для ленинградцев Ржевский аэродром. Находился он на северо-восточной окраине города. Днем и ночью с него взлетали самолеты, которые увозили людей в более безопасные районы страны, привозили различные грузы, в том числе и продовольствие. С него взлетали военные самолеты, охранявшие воздух от вражеских налетчиков.

Аэродром в то время представлял из себя лишь взлетные полосы, да маленький деревянный домик, служивший для людей аэровокзалом. Из воспоминаний А. Блатина: «Улететь в то утро не удалось. Почему-то не прилетел самолет. Предстояло провести на аэродроме не только весь день, но и ночь. Поэтому и пассажиры, и те, кто их провожал устроились поближе к огоньку, в единственном здании аэровокзала, если его можно было так назвать. Это был дощатый сарай, посередине которого стояла железная печка. Топилась она круглосуточно. Иначе сразу становилось холодно, как на улице. Вокруг печурки и по стенам стояли деревянные скамейки. Вот вся меблировка. Освещался временный аэровокзал всего лишь небольшим оконцем. Это днем. А ночью горела малюсенькая лампочка. Поэтому здесь не только тепло, но и светло было только возле печки...»

Возникли первые дорожные трудности. Развернуть мальчика, чтобы сменить пеленки, даже перед печкой, было невозможно, не рискуя простудить его. Пришлось каждый раз бегать метров триста до ближайшего домика, где жили служащие аэродрома».

Пискаревский проспект

В блокаду Пискаревский проспект стал важной магистралью с интенсивным движением. Его участок от Свердловской набережной до Шоссе Революции был частью трассы на Ладогу. Через него осуществлялось все грузовое движение из района Финляндского вокзала в сторону Пороховые-Ржевка и далее к Ладожскому озеру.

К больнице имени Мечникова, которая в то время была крупным военным госпиталем, машины ежедневно привозили сотни раненых с фронта. С весны 1943 года при больнице открылся стационар для ослабевших и истощенных ленинградцев.

Пискаревский проспект был также трассой к станции Пискаревка — одной из немногих действовавших тогда Ленинградского железнодорожного узла. Поблизости от станции размещались овощной комбинат, нефтебаза, совхозы. Деятельность этих предприятий не замедляла и в самые суровые месяцы блокады.

Навсегда останется в памяти народной суровая блокадная зима 1941—1942 гг. В эту зиму на полях совхоза «Пискаревка», недалеко от небольшого местного кладбища осуществлялось массовое захоронение ленинградцев и воинов Ленинградского фронта. В день Победы — 9 мая 1960 года на месте братского захоронения было открыто Пискаревское мемориальное кладбище — НЕКРОПОЛЬ. Он был построен по проекту члена-корреспондента Академии строительства и архитектуры Е. А. Левинсона и архитектора А. В. Васильева.

В торжественной обстановке в этот день здесь был зажжен Вечный огонь. С тех пор Пискаревское мемориальное кладбище стало постоянным местом паломничества ленинградцев и гостей нашего города, иностранных делегаций и государственных деятелей всего мира, отдающих дань уважения мужеству защитников города.

В военные годы, когда в Ленинграде остро ощущался недостаток топлива, многие деревянные дома на Пискаревском проспекте были разобраны. Весной 1943 года при совхозах «Пискаревка» и «Ручьи» были организованы школьные сельскохозяйственные лагеря, а на землях по восточной стороне Пискаревского проспекта, в районе Бестужевской улицы и Анникова проспекта (ныне проспект Маршала Блюхера), раскинулись коллективные огороды различных предприятий и организаций.

На Большеохтинском кладбище

Смерть все ближе и ближе подходила к голодным ленинградцам. Чтобы заполнить пустые желудки, жители прибежали к раз-

личным способам изыскания пищи: охотились на птиц, ловили кошек, случайно где-то уцелевших, из домашних аптечек выбирали все, что можно применить в пищу: касторку, вазелин, глицерин, из столярного клея варили суп, студень.

Органы здравоохранения создали широкую сеть лечебных пунктов, где ослабевшим людям делали внутривенное вливание глюкозы, давали немного горячего вина. Однако даже это не помогало. У людей слабели руки, ноги, немело тело, оцепенение постепенно приближалось к сердцу и наступал конец.

Смерть настигала людей везде: на улице, в квартире, часто жизни обрывались у станка. Хоронить было трудно. Транспорт не работал. По улицам, занесенным снегом, плелись вереницей люди, напрягая свои последние силы, тянули санки, на которых везли покойников.

*«Я забыть
Никогда не смогу
Скрип саней
На декабрьском снегу,
Шаг пронзительный,
Медленный скрип:
Он как стон,
Как рыданье,
Как всхлип...»*

(Ю. Воронов)

Мертвых хоронили без гробов, обернутых простыней или одеялом, а позднее просто в одежде, в которой человек умер. Нередко, выбившись из сил, люди оставляли мертвых на полпути.

Жителей Красногвардейского района хоронили в основном на Большеохтинском кладбище. Кладбище и застава к нему были завалены замерзшими, занесенными снегом телами. Команды МПВО, основную часть которых составляли молодые девушки, взрывали землю и во вместительные могилы опускали десятки, а иногда и сотни трупов. Число похороненных на Большеохтинском кладбище впечатляет, однако это были еще не самые большие захоронения.

Большеохтинское кладбище было не только местом приюта ушедших на небеса, но и местом покаяния людей, в котором они могли найти поддержку, где их могли выслушать.

Большеохтинская (Никольская) церковь Церковь в годы войны. Служители Церкви

В первые месяцы войны настоятелем Никольской церкви был протоиерей Николай Ломакин (1890–1965). О страшных потерях среди мирного населения города он напомнил как свидетель на Нюрнбергском процессе: «Вокруг храма можно было в течение целого дня видеть груды гробов — 100, 200 гробов, над которыми

совершал отпевание священник» (перед войной на Охте ежедневно хоронили 7–8 человек). К лету 1941 года в Ленинграде и его окрестностях осталось считанное число православных церквей. Большинство храмов относилось к Московской Патриархии, епархию которой возглавлял митрополит Ленинградский Алексей (Симанский). В его ведении находились Николо-Морской кафедральный и Князь-Владимирский соборы, церкви — Большеохтинская, Волковская (обе кладбищенские)... В первый же день войны Патриарший Местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) обратился к верующим с посланием и благословил их на защиту Родины. Это послание зачитывалось в храмах Ленинграда: многие ленинградцы приходили сюда помолиться за своих близких. По благословению митрополита Алексея сразу же начался сбор пожертвований на оборону. С призывами поддерживать это начинание к прихожанам обращались в своих проповедях настоятели протоиереи Павел Тарасов, Михаил Славнитский, Михаил Смирнов, Александр Мошинский...

Священнослужители сами, испытывая все невзгоды, понимали, как ленинградцы нуждаются в поддержке, утешении, ободрении. А ведь многие из служителей церкви были уже немолодыми людьми, жили далеко от своих храмов. Но каждый день, несмотря ни на что, приходили сюда. Постепенно и власти начинали понимать значение религии, церкви в ту пору. В начале зимы 1941 года было дано разрешение и на первое за многие годы рукоположение: митрополит Алексей посвятил диакона Симеона Рождественского в священники в Большеохтинской церкви.

С сентября 1942 года приход возглавил протоиерей Михаил Славнитский (1887–1985). Он сам попросил митрополита Ленинградского Алексея (Симанского) перевести его к храму, около которого была похоронена его дочь, умершая в первую блокадную зиму. Прихожане отца Михаила одними из первых откликнулись на церковный призыв о сборе средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского. Благодаря пастырскому слову и личному примеру настоятеля окраинная Никольская церковь внесла в фонд обороны 1,6 миллиона рублей. Труды протоиерея Михаила Славнитского по духовному укреплению жителей города-фронта были отмечены медалью «За оборону Ленинграда», врученной ему в октябре 1943 года.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РАЙОНА В ГОДЫ БЛОКАДЫ

С первых же дней войны началась перестройка промышленности на военный лад, охватившая все отрасли народного хозяйства города. Предприятия тяжелой промышленности сразу же приостановили или сократили выпуск гражданской продукции, сосредоточив все свои силы на выполнении заказов фронта. Заводы химической продукции перестроились на выпуск взрывчатых веществ и средств химической защиты. Текстильные и швейные фабрики стали шить военное обмундирование, обувные — армейскую обувь. Перестраивались и предприятия Красногвардейского района. Уже на второй день войны рабочие опытных мастерских треста «Русские самоцветы» выступили с просьбой дать им заказы на оборонную продукцию.

Благодаря исключительной активности и инициативе уже 25–26 июня стали поступать корпуса для мин, колючая проволока и другие инженерные средства.

После мобилизации и ухода в Красную Армию большого числа рабочих призывного возраста на заводах остались лишь пожилые люди, женщины и дети. Ленинградцы сосредоточили все свои силы на перестройке промышленности.

Красногвардейский район в годы блокады был важнейшим промышленным узлом. На его долю приходилась третья часть военной продукции. 28 предприятий из 39 действовавших выполнили план 1942 года за 11 месяцев. Зимой 1942–1943 гг., когда нехватка производственных кадров и необходимость квалификации вновь пришедших рабочих стала сказываться еще сильнее, рабочие Кировского и Канонерского заводов, предприятия Московского и Красногвардейского районов начали соревнование за освоение нескольких специальностей. Это же соревнование распространялось и на другие предприятия города. И не раз рабочие заводов и фабрик Красногвардейского района выходили на первое место в этих соревнованиях.

Рабочие трудились не покладая рук, несмотря на холод зимы, мучительный голод и непрекращающиеся бомбежки. А между тем, судя по статистике, Красногвардейский район был одним из са-

мых разрушенных районов в годы войны, и больше всего, в первую очередь пострадала Охта. Люди работали, не замечая смерти, ужаса войны, понимая свое значение для фронта. Они готовы были умирать у станков, они стояли и выстояли...

Одним из передовых предприятий был завод «Северный Пресс», который уже в августе 1941 года выпускал в сутки по 28 тысяч гранат типа РГД-33. По его чертежам был освоен выпуск нового вида противотанковых гранат, а в январе 1943 года завод наряду с производством ручных и противотанковых гранат, корпусов глубинных бомб, стал выпускать светосигнальные пистолеты, двухкамерную винтовочную масленку. На деньги рабочих была построена танковая колонна и эскадрилья самолетов «Красногвардеец».

Примечательна блокадная история «Петрозавода». Во время Великой Отечественной войны «Петрозавод» не был эвакуирован в тыл и ни на один день не прекращал работу. Коллектив завода в небывало трудных условиях организовал выпуск вооружения, боеприпасов, ремонтировал корабли Балтики, строил суда-тендеры для Ладжской «Дороги жизни». Много трудных и тяжелых дней выпало на долю оружейников завода. Поредели ряды квалифицированных рабочих, которые с оружием в руках ушли на защиту города, на их место встали женщины и дети.

Неоднократно завод подвергался яростным налетам фашистской авиации и артиллерийскому обстрелу.

19 сентября 1941 года три большие фугасные бомбы разорвались на акватории завода. От взрыва затонули у стены завода стоявшие на переоборудовании буксир и баржа. Буксир был поднят, переоборудован, и к навигации 1942 года он уже вступил в строй. В ночь с 3 по 4 октября 1941 года вражеские самолеты сбросили на завод большое количество зажигательных бомб. Завод горел два дня, выгорела и провалилась кровля инструментального цеха, сгорел склад, пострадал монтажный и литейный цех. Рабочие не уходили с завода трое суток, восстанавливая разрушенное, работали день и ночь, и выпуск оборонных заказов возобновился в инструментальном и литейном цехах через трое суток, а в монтажном через двое.

К концу 1941 года на картах вражеских летчиков «Петрозавод» был отмечен как объект, уничтоженный фашистской авиацией. Но «Петрозавод» жил и работал назло врагам.

С первых дней войны завод приступил к постройке базовых тральщиков и уже 1 мая 1942 года шесть тральщиков, предназначенных для КБФ, были спущены на воду и к концу года достроены.

Был достроен головной эскадронный турбинный тральщик «Владимир Лопухин», который уже в сентябре также был причислен к Краснознаменному Балтийскому флоту.

У стенки завода был отремонтирован сторожевой корабль «Туча», у которого была полностью разрушена взрывом мины

кормовая оконечность. Всего за годы войны на заводе был отремонтирован и переоборудован 81 боевой корабль.

Не хватало рабочих, специалистов. Но на помощь приходил личный состав кораблей, которые дали и электричество и пар, они делились своими скудными пайками с рабочими завода.

В начале 1942 года завод получил ответственный заказ на постройку тендеров для «Дороги жизни». Для выполнения этого ответственного задания были созданы бригады, в составе которых были работники заводоуправления и технического отдела, бухгалтерии и финансовой службы и к 5 июля на невской волне уже колыхались 22 тендера. Руководителями бригад, которые совершили этот трудовой подвиг, были Воронин, Сивкин, Мельников.

Всего же в блокаду судостроителями Ленинграда было построено 122 тендера. Они оказали неоценимую услугу изолированному городу. На них доставлено 101 240 тонн груза, в основном продовольствие, эвакуировано около 250 000 жителей, вывезено 280 000 бойцов.

После постройки тендеров завод приступил к постройке нового тральщика «Василий Громов». Эту махину завод сдал в эксплуатацию меньше чем за год.

В то же время рабочие оставались главным резервом Красной Армии и других вспомогательных служб. Уже в июне 1941 года абсолютное большинство бойцов МПВО — 98 тысяч было подготовлено на заводах и фабриках города. Так, например, на заводе «Северный пресс» было создано 4 команды МПВО, в обязанность которых входило нести вахту на крышах, тушить зажигалки, выбрасываемые немецкими самолетами.

Чем напряженнее становилась обстановка на фронте, тем выше была роль рабочих. Помимо дивизий народного ополчения на предприятиях создавались партизанские и истребительные батальоны, а позднее, в августе 1941 года, согласно приказу главнокомандующего Северо-западного направления «Об организации обороны», было предусмотрено формирование 77 рабочих батальонов по 600 человек, на случай прорыва войск противника в город.

На Охтинском химическом комбинате в 1942 году был сформирован 24-й рабочий артиллерийский батальон численностью в 650 человек. Батальоном и его подразделениями командовали Сергеев, Левитан, Федоров, Борский, Панин, Штамм, Грудин, Исаков, Лятрер, Федоров.

Много было приложено усилий, чтобы обеспечить новые рабочие батальоны оружием. Однако нехватка сказывалась. Поэтому из музеев начали извлекать старые пушки, кремневые ружья и заряжающиеся с дула орудия. Но при всем этом в рабочих батальонах Красногвардейского района насчитывалось всего лишь 92 винтовки, 15 пулеметов и 2 миномета.

ФАБРИКА «ПЯТИЛЕТКА» — ГОРОДУ-ФРОНТУ

В 20-е годы газеты писали о развернувшейся в Ленинграде ударной стройке — строилась первая в стране фабрика искусственного волокна. Прошли десятилетия, за эти годы первенец пятилетки рос, набирая силы, развивался, реконструировался. Накануне войны фабрика работала с особым подъемом. План выполняли на 101–104%. Но мирный труд коллектива был прерван войной.

В первые дни войны почти все мужчины, которые не были мобилизованы из-за возраста или по состоянию здоровья, добровольно ушли на фронт. Многие из них пополнили ряды дивизии народного ополчения.

В конце июня 1941 года, в клубе, на бывшей базе военно-учебного пункта Красногвардейского района из трудящихся фабрики был сформирован истребительный батальон. В него вошло около 60 человек, подготовленных и знающих стрелковое оружие. Не осталась в стороне и комсомольская организация фабрики. Многие комсомольцы ушли в армию. Оставшиеся принимали участие в охране прилегающей к фабрике территории. Вместе со всеми работниками, комсомольцы перекрывали здания, рыли окопы и траншеи, работали в командах медико-санитарной, химической, аварийно-восстановительной, противопожарной службах.

Здание клуба было приспособлено к долговременной обороне. Оконные и дверные проемы были переоборудованы в огневые точки. Силами фабрики была также сооружена долговременная огневая точка на шоссе Революции у станции Ржевка.

Встал вопрос: «Чем фабрика еще может помочь фронту». Первой попыткой было изготовление трикотажного полотна и белья из него для бойцов. Однако шелковое полотно, после опробования его в армии, оказалось неподходящим.

В период оборонительных сооружений подавляющая часть рабочих и служащих фабрики находилась на оборонительных работах, где они часто подвергались бомбежке и обстрелу с вражеских самолетов.

Из-за быстрого продвижения врага к Ленинграду иногда приходилось оставлять оборонительные работы и уходить пешком к городу.

На территории фабрики проходила одна из внутренних линий обороны.

Перед малочисленным коллективом фабрики (остались только женщины) встала задача организовать производство боеприпасов. Для этого привлекли население с Пороховых. Согласно решению Исполкома Ленсовета «О перераспределении рабочей силы между предприятиями города Ленинграда», на фабрику пришла большая

группа рабочих с фабрики «Возрождение» и прядильно-ниточного комбината имени С. М. Кирова. Они быстро сумели освоить производство взрывчатых веществ и снаряжение ручных и противотанковых гранат.

По предложению артиллерийского и инженерного управления Ленинградского фронта, фабрика приступила к снаряжению артиллерийских снарядов и мин. Уже в третьем квартале 1941 года она организовала 4 цеха по выпуску боеприпасов, цех по измельчению тротила, цех № 5 по снаряжению противотанковых и противопехотных мин и цех № 6 по снаряжению ручных гранат.

Корпуса снарядов и мин фабрика получала с других предприятий города. Фабрике была передана программа по производству трехдюймовых снарядов. Упакованные в деревянные ящики боеприпасы отгружались по железной дороге. Тяжелая работа по погрузке вагонов, как правило, выполнялась силами ИТР и служащих вокзалов. Были случаи, когда грузовики приходили прямо с фронта и забирали боеприпасы.

В конце 1941 года фабрика получила задание организовать снаряжение 76-миллиметровых снарядов. Насколько это было важно для фронта можно судить по тому, что к концу 1942 года в тринадцати истребительно-противотанковых полках почти все вооружение состояло из 76-миллиметровых пушек.

Производство боеприпасов на фабрике расширялось по мере получения со смежных предприятий корпусов снарядов, мин, гранат. Однако запасы поступившего в начале войны сырья были не безграничны, не доставало основного компонента — тротила.

Эти затруднения фабрика разрешила, использовав имевшееся в запасах фронта морские глубинные мины, начиненные тротилом. Сперва стальные корпуса мин разрезали (это было очень опасно), затем перешли к безопасной выплавке тротила паром.

Для снаряжения гранат стали использовать отходы пироксилинового производства (так называемый «болотный пироксилин»), образовавшиеся от стоков промышленных вод на заводе. Эта титаническая работа проводилась под нескончаемыми бомбежками и обстрелами.

Январь 1942 года был крайне тяжелым. Число больных дистрофией росло, и смертность в городе от голода увеличивалась. Резко сократились запасы топлива, глубокий снег затруднял передвижение. Самой действительной помощью голодным и обессиленным людям в этой обстановке был перевод их на казарменное положение. Эта мера позволила сберечь силы, затрачиваемые на далекие переходы в условиях голодной зимы и полного затемнения. Но главным в казарменном положении были взаимовыручка и взаимопомощь.

Всю войну, даже в самое тяжелое блокадное время на фабрике работал детский сад. Детей там оставляли на 12 часов или круглосуточно, в зависимости от условий работы матерей.

Кроме изготовления боеприпасов ослабевшие от голода люди выполняли множество других работ по заданиям городских организаций:

- заготовка дров в лесах;
- разгрузка барж с дровами;
- разборка деревянных домов;
- заготовка и вывозка торфа;
- очистка от снега трамвайных путей от улицы Коммуны до Жерновки (в марте 1942 года перед пуском первого трамвая, когда сугробы были выше человеческого роста).

В марте 1942 года в результате обстрела из дальнобойных орудий взорвалось несколько вагонов с боеприпасами на железнодорожной станции Ржевка. Взрывной волной были выбиты стекла окон, сломаны оконные переплеты, вырваны многие наружные и внутренние двери и перегородки в главном корпусе фабрики, общежития и столовой.

Все основное производственное оборудование оказалось на улице. Настежь раскрытыми оказались и помещения, в которых производились боеприпасы. Начались работы по устранению причиненных разрушений.

Все основное производственное оборудование оказалось на улице. Настежь раскрытыми оказались и помещения, в которых производились боеприпасы. Начались работы по устранению причиненных разрушений.

С середины 1942 года немецкая дальнобойная артиллерия начала регулярный обстрел города. Контрбатареинный огонь по немецким батареям через весь город вели также тяжелые дальнобойные орудия большой мощности, расположенные в близлежащем районе. В ответ немецкие батареи стали регулярно обстреливать район Ржевка-Пороховые. После войны в музее обороны Ленинграда экспонировалась карта немецкого офицера-артиллериста, на которой район Ржевка-Пороховые был заштрихован с указанием «Пороховые заводы».

В течение лета 1943 года завод и фабрика несколько раз были обстреляны крупнокалиберными снарядами. Было попадание в гараж, в мотальный цех и на территорию фабрики. На территорию гаража упало два снаряда: один попал в каменную стену и повредил ее, другой — ушел в землю под бревенчатую сторожку. Взрывной волной ее подбросило вверх, и на прежнем месте образовалась воронка.

В ноябре 1943 года в результате прямого попадания снаряда и вызванной этим детонации взорвался промежуточный склад боеприпасов, была разрушена часть главного корпуса, помещение и оборудование вискозного подвала и подсобные помещения прядильного и химических цехов, шелкового производства, помещения холодильно-компрессорной установки и старопштапельного цеха. Погибло тринадцать человек. Предстояла огромная работа по ликвидации разрушений...

Во время войны коллектив фабрики неоднократно получал благодарности артиллерийского и инженерного управлений Ленинградского фронта за успешное выполнение их заказов на боеприпасы. За все время выпуска боеприпасов фабрика не имела рекламаций и возврата продукции.

В 1943 году 104 члена коллектива были награждены медалью «За оборону Ленинграда». За успешное выполнение заданий правительства по снаряжению Красной Армии и выполнению специальных заданий командования Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 января были награждены 106 работников ленинградских текстильных предприятий, и 17 из них были работники «Пятилетки».

ОХТИНЦЫ В ТЫЛУ И НА ПЕРЕДОВОЙ

Уже падали на землю вражеские бомбы, уже шли по всей границе бои, но об этом страшном повороте жизни работники охтинского комбината еще не знали, продолжалась спокойная, мирная жизнь. В этот воскресный день у всех были свои планы. Но во второй половине дня об этих планах никто уже и не вспоминал.

В 3 часа на митинг приехали почти все сотрудники Охтинского комбината. Звучали слова о преданности, о готовности к любым испытаниям. Говорилось о том, кто за что должен отвечать. Все команды отдавались четко, без суеты. Случайных здесь не было. Звучали слова и об эвакуации. В то время Охтинский комбинат был ведущим в стране предприятием по производству пластических масс, а это имело отношение к изготовлению бездымного пороха. На его производство и были нацелены работники комбината.

К августу было демонтировано и полностью вывезено в Свердловск оборудование шести цехов.

Там, в Свердловске, приехавшие с оборудованием охтинцы в самую тяжелую пору войны сумели построить и пустить новый завод (позже завод стал известен как Свердловский завод пластических масс).

Но и Охтинский комбинат не остался без работы. Когда на Шлиссельбургский пороховой завод пришла война, его пришлось демонтировать и эвакуировать. Часть оборудования вывезли на Охтинский химический комбинат. Нужно было быстро установить и защитить технику под самым носом у врага, т. к. все происходило в районе досягаемости фашистских снарядов. Но этого старались не замечать. Задача была важная: восстановить производство баллистического пороха.

Комбинат был отсоединен от электрической сети. И теплом, и водой, и электроэнергией должен был обеспечивать сам себя.

А от этого зависело многое. Трижды вражеские снаряды разрушили плотину на Охте, снабжавшую окружающие заводы и фабрики водой, и озеро начинало стремительно мелеть, угрожая комбинату полной остановкой. Зимой 1943 года случилось то, чего особо опасались: в одну из бомбежек был разрушен центральный отвод плотины. Охтинцы вызывали водолазов, напряженно трудились сами, сбрасывая в пробоины мешки с землей, восстанавливая необходимый напор воды. С большим трудом удалось заделать пробоину. Немало было проблем и с энергией. В котельных постоянно мучились, перестраивая режимы котлов с угля на мазут, с мазута на дрова. Когда не стало дров, начали ломать деревянные дома. На Охте их было много.

А вот что рассказывает бывшая работница трамвайного парка имени Смирнова Полина Петровна Мохова. Она была зачислена в химическую команду и переведена на казарменное положение: «...во время бомбежек женщины дежурили, на крышах гасили „зажигалки“, оказывали помощь раненым. У Александрово-Невской лавры был сортировочный пункт. Здесь проходила железнодорожная ветка, по которой с поля боя подвозили раненых на поездах и по Неве, на баржах...» Отсюда П. П. Мохова и ее подруги на трамваях переправляли их в госпитали. Женщины из трамвайного парка взяли шефство над госпиталем, который размещался в доме № 63 по Суворовскому проспекту, помогали врачам и медицинским сестрам, ходили на Охтинское кладбище. Еле держась на ногах, они долбили мерзлую землю, ломали деревянные дома, чтобы добыть топливо. Этим дням Полина Петровна посвятила нехитрые строчки стихов:

*На Охте долго мы ломали,
Этим фронту помогали,
Жили все одной мечтой
Отстоять город родной.*

В тяжелейший 1942 год охтинцы освоили четыре новых вида боеприпасов, в два-три раза перекрывали нормы.

Вот что рассказывает о комбинате стахановец блокадной поры И. И. Евграфов: «...комбинат стал родным домом для охтинцев. Он спас жизнь многим, потому что не позволял замыкаться в себе, в своем горе, втягивал в общественно-трудовые дела. Он спасал жизни и потому, что в открывшемся стационаре давал возможность восстанавливать силы в устроенных на заводской территории общежитиях. Давали тепло, которого не было дома. А еще были обогревательные пункты, столовые, прачечная. Иногда показывали кинофильмы». Именно поэтому Евграфов, потеряв двух сыновей, умерших от холода, не дошел в своем отчаянии до последней точки, а работал с прежней отдачей.

В 1943 году комбинат уже освоил семь новых видов продукции. В среднем рабочие выполнили нормы почти на 140 процен-

тов. Практически все рабочие были стахановцами или ударниками. Что двигало ими? Ожесточение, ненависть к врагу? Вряд ли. Пожалуй, только вера в победу могла привести измученных людей к таким невероятным результатам. Сразу же после победы решили на комбинате завести Книгу почета. И первой в ней записали фамилию Евграфова, который посвятил комбинату большие годы своей жизни. Вначале он был мастером, затем начальником участка, начальником цеха, все того же механического цеха, где ставил свои рекорды, переживал блокаду.

Многие охтинцы не вернулись на родной завод. Не пощадила война и семью Роциных. Сейчас уже мало кто помнит улицу Ильинскую Слободу у церкви Илии Пророка. Стояли здесь сплошь деревянные дома и среди них был дом Роциных. Дружная была семья, хотя и нелегко им жилось. Отец часто болел, а вскоре и совсем слег, а матери пришлось и на хлеб зарабатывать, и детей воспитывать — четырех сыновей и двух дочерей. Сумела она научить их главному — трудолюбию. Старший Иван успешно закончил семилетку, ему предлагали продолжить учебу в 133-й школе, но он отказался и пошел работать в эфирный цех, и, несмотря на то, что был еще мальчишкой (14 лет), ни в чем старшим уступать не собирался. Пять лет проработал он в цехе, за это время успел и комсоргом цеха стать, и добиться, чтобы ему бригаду доверили. Но началась война, и в первую же осень ушел он добровольцем на фронт. А вскоре ушли и младшие братья Сергей и Николай. И шли домой только письма с фронта.

После смерти отца мать с дочерьми эвакуировалась на восток, Дом у реки разобрали на дрова. Письма с фронта шли теперь в Казань. Удивительные это были письма. Вот одно из них.

«Привет с фронта! Здравствуйте, уважаемая мама, сестры Мария и Нина! Пишет это ваш сын и брат Ваня. Во-первых, хочу сообщить, что я даю фрицам жару, и даю неплохо. В общем, даю так, как это требует Родина. Но это только начало. Вот скоро зайду на территорию Германии, вот там уже дам так дам...»

А до границы осталось совсем мало, дня через два буду там. Сейчас пишу и тороплюсь. Скоро иду в атаку. Крепко целую ваши руки. Ваня».

Но с октября 1944 года писем больше не приходило. Жизнь четверых братьев оборвала война. Не сразу семья узнала об этом.

Ждали, надеялись, однако напрасно. Все четверо погибли. Но только об Иване известно, как он погиб. Вот что вспоминает о том бое однополчанин майор запаса В. Кузмич:

«Шел жестокий бой за Мемель. Наши танки широким фронтом атаковали вражеские позиции. В боевом порядке „тридцатьчетверок“ мчалась и машина Роцина. Вдруг он заметил, что головной танк остановился: вражеский снаряд попал в ходовую

часть. Не мог не подумать в те мгновения: „Товарищи в опасности! Надо во что бы то ни стало спасти их“. Приказав механику-водителю подойти поближе к поврежденному танку, Роцин открыл люк, выскочил из машины и под огнем противника начал налаживать буксирный трос. В это время пуля вражеского автоматчика ранила Роцина, но, истекая кровью, он продолжал руководить эвакуацией подбитой машины и раненых членов экипажа. Только убедившись, что товарищи в безопасности, герой, наконец, вспомнил о своей ране. „Теперь везите в медсанбат“, — проговорил он и в бессилии опустился на землю. Рана оказалась, однако, настолько тяжелой, танкист потерял так много крови, что спасти его было невозможно...»

Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии младшему лейтенанту Ивану Дмитриевичу Роцину посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Грамоту о награждении сына переслали матери героя, а после ее смерти в 1945 г. сестры Роцина передали грамоту в военную часть, в которой служил Иван Дмитриевич. Имя Ивана Роцина навечно зачислено в списки части.

Разными бывают подвиги. Одни из них действительно укладывались в секунды, в которые аккумулируются накопленная всей жизнью энергия личности, ее лучшие качества. Другие совершаются незаметно, титаническими усилиями, растянутыми на месяцы и годы. Охтинцы, которым суждено было бороться и в глубоком тылу, и в кольце блокады, и на передовой, испытания, выпавшие на их долю, встречали с честью. Погибали под пулями как братья Роцины, умирали от голода и холода, как семья Евграфовых, но не сдавались, верили в Победу.

О том, как работал комбинат во время войны, свидетельствуют его успехи во Всесоюзном социалистическом соревновании предприятий химической промышленности. В июне 1942 года включились охтинцы в это соревнование. За июнь им было присуждено третье место по всей стране, за октябрь — второе, а с ноября 1942 года по январь 1943 года они три месяца подряд завоевывали первое место.

В первой половине 1943 года комбинату несколько раз присуждалось второе место, а начиная с июля девять месяцев подряд снова выходил победителем в соревновании всех химических предприятий Советского Союза. 1350 рабочих и инженерно-технических работников комбината за время войны были награждены орденами и медалями СССР. Само предприятие за образцовое выполнение заданий правительства было награждено орденом трудового Красного Знамени.

**Продукция, поставлявшаяся фронту фабриками
и заводами Красногвардейского района**

Предприятия	Продукция
Охтинский пороховой завод	1. Порох для минометов и «Катюш» 2. Изоляционный материал для телефонного провода 3. Газ для аэростатов
Фабрика «Пятилетка»	1. Противотанковые и противопехотные мины 2. Ручные гранаты 3. 76-миллиметровые снаряды для пушек 4. Этилксентогенат калия (для мыла) 5. Пироксилин (для снаряжения гранат)
«Русские самоцветы»	1. Производство деталей оптических приборов 2. Ручные гранаты
«Петрозавод»	1. Ремонт боевых кораблей 2. Строительство минных тральщиков и плавсредств для «Дороги Жизни»
Завод «Лепсе» (ныне «Знамя труда»)	1. Отливка корпусов для снарядов 2. Снаряжение боеприпасов
«Баррикада» «Северный пресс»	1. Противотанковые надолбы 2. Гранаты 3. Артиллерийские снаряды
Фабрика «Возрождение»	1. Валенки
«Буревестник»	1. Артиллерийские снаряды 2. Гранаты разного типа

ОРГАНИЗАЦИИ И УЧРЕЖДЕНИЯ В ГОДЫ БЛОКАДЫ

Госпитали, больница им. Мечникова, ЛСГМИ

Большую заботу о жизни и здоровье ленинградцев проявили в блокаду медицинские работники района. Истощенные от голода, в нетопленных помещениях поликлиник они принимали больных, безотказно ходили по вызовам на дом, работали во время бомбежек и обстрелов, в очагах поражения, оказывая помощь раненым, проводили санитарно-гигиенические мероприятия по предупреждению эпидемии. Одна поликлиника — № 18 — находилась на Пороховых при больнице имени Красина, другая, № 17, на Шепетовской улице, 16 (бывшая Георгиевская улица).

На территории района в годы войны была развернута сеть военных госпиталей для раненых воинов Ленинградского фронта.

Под госпиталь была отведена школа № 144 (Большеохтинский проспект, 44), помещение бывшей библиотеки имени Рида на улице Помяловского (здание не сохранилось), помещение бывшего военкомата на Перевозном проспекте (ныне начальная школа № 533).

В одном из таких госпиталей, расположенном в школе, работала санитаркой до конца февраля 1942 года Мария Алексеевна Зверева. К сожалению, номер школы Мария Алексеевна не помнит, помнит только, что ей приходилось переходить через кладбище на Малоохтинском проспекте, чтобы попасть в госпиталь.

Мария Алексеевна вспоминает: «Вся школа была отведена под госпиталь. Простые классы, в которых стояли койки, вот и все, что представлял из себя госпиталь. Мы выполняли все поручения врачей. Госпиталь в то время находился на казарменном положении. Привозили раненых, замерзших, обрабатывали их, — мыли, одевали в чистую, теплую одежду. Воды не было. Приходилось каждый раз ходить на Неву за водой. Помещения отапливались за счет буржеек, благо деревянных домов, окружавших госпиталь, было много. Поэтому с дровами проблем не было.

На кухне, расположенной на нижнем этаже, варили больным кашу (что-то напоминающее кашу). Раздавали ее по списку, рас-

пределяя определенное количество порций на палату. Когда кто-то умирал, медсестрам и санитарам разрешалось поступать с этими порциями по их усмотрению. Поэтому подчас мы имели возможность дать добавки другим больным, поесть самим. В нашу обязанность входило также мыть котел от „каши“, и сухие остатки — „поскребыши“ — мы имели право брать себе. Поэтому мы распределяли по очереди дни, когда кто-либо должен чистить котел, а значит и может взять эти „поскребыши“ себе. Но таких возможностей было мало. Санитаров было достаточно много. И мне выпадал такой случай только раз в 10–15 дней. А когда приходил мой счастливый день, аккуратно завернув „поскребыши“, я бежала ненадолго домой, чтобы отнести их родным. Жила я далеко у Финляндского вокзала. Идти было трудно: мучительные голод и холод пронизывали все тело. По всей дороге — трупы, трупы... Особенно страшно было видеть трупы, у которых уже обрезали мягкие места. Ослабевшие ноги часто не слушались, и только лишь желание жить заставляло идти вперед. Дома меня с радостью встречали родные: отец и мачеха. Отдыхала дома немного и снова в обратный путь».

На базе ГИДУВа (на Заневском проспекте) был организован госпиталь на 800 коек, в здании «Дома врачей» работал филиал на 285 коек, но самый большой госпиталь располагался в больнице имени Мечникова (на 2500 коек).

В то время больница стояла на огромном пустыре. Единственным видом транспорта, который связывал больницу с центром, был трамвай № 14. С самого начала блокады весь персонал перебрався в специально выделенные корпуса. Больница жила своей обособленной жизнью.

Вправо от центральной площади, за директорским корпусом был посажен огород, там же находился скотный двор и сад. Каждый должен был выполнять определенные обязанности по обслуживанию этого подсобного хозяйства. На территории больницы был организован детский сад для детей, чьи родители работали здесь. Однако условия для работы были очень тяжелыми. Самым тяжелым для больницы периодом была зима 1941–1942 годов. Перестало работать отопление, замерзла канализация. Смерть входила в каждый дом, но люди старались сопротивляться ей. Срочно в больнице были установлены печки-временки. Использовали все, что могло гореть.

В связи с острой нехваткой воды, которую медицинский персонал доставлял в ведрах на санках из Невы (3,5 км), резко ухудшилось санитарно-гигиеническое состояние больницы. Для санобработки раненых в павильонах были сооружены котлы для подогревания воды. Использование самоотопляемых печей загрязняло помещения, а разница температур в отапливаемых и неотапливаемых помещениях иногда превышала 30 градусов. В палатах больные находились в верхней одежде, укрытые тремя-четырьмя одеялами. Не работали прачечная, лаборатории; аптека отпускала ле-

карства лишь в порошках. Но часто не было даже элементарного болеутоляющего. Раненые мучились и страдали, а врачи, видя это, не могли им помочь. Это было самое тяжелое испытание для них.

Коллектив Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института (ЛСГМИ), находящегося на территории больницы, не прекращал ни на один день ведение учебного процесса, активной лечебной работы и научных исследований. Регулярно проходили заседания ученого совета. Состоялись и научные сессии института, защищено 35 докторских и кандидатских диссертаций, выполнено 350 научных работ, в которых отражались важные вопросы блокадного периода — дистрофия, гипертония, раневые процессы, инфекционная патология. Блокада обусловила специфику заболеваемости в городе. Уже в ноябре 1941 года возникает и бурно развивается элементарная дистрофия — серьезный вид обменных расстройств, при котором остро ощущалась белковая недостаточность. Большой вклад в изучение этой патологии и разработку принципов лечения был внесен сотрудниками института В. С. Брио, В. Д. Вышегородцевой, А. Ш. Петченко, Е. М. Рысс, В. А. Свешниковым и другими. В соответствии с данными, полученными в исследовательских работах, в пищевой рацион раненых была введена соя. Широко внедрялись также дрожжи.

Весной 1942 года в городе наблюдалась вспышка авитаминозов, которые, как правило, развивались на фоне дистрофии. Коллективом ученых была глубоко изучена клиника витаминной недостаточности. В частности, для лечения авитаминоза было рекомендовано использовать водный хвойный настой. В 1942–1943 годах в Ленинграде резко возросла заболеваемость гипертонией. Под руководством профессора В. Д. Вышегородцевой глубоко изучалась патология сердечно-сосудистой системы крови, почек, обмена веществ и были разработаны соответствующие рекомендации. Вспышка инфекционных заболеваний, связанных с серодиагностической дизентерией, тифов, инфекционной желтухи. Этими исследованиями занимались лучшие профессора института: М. В. Давыдов, М. Н. Фишери и другие.

Большое внимание ученые института уделяли исследованиям раневой патологии, в частности, лечению грудной и брюшной полостей, забрюшного пространства, нервной системы.

В первые дни войны на фронт ушло 746 врачей и медсестер. В сентябре 1941 года более 1000 студентов старших курсов срочно были выпущены из стен института. Всякая война резко увеличивает потребность в медицинских кадрах. В Ленинграде же нужда эта была особенно острой. Многие врачи ушли на фронт, многие уехали из города с эвакуированными.

Занятия студентов проходили по 10–12 часов в сутки. В апреле 1942 года студенты первого и второго курсов и 12 человек профессоров преподавательского состава были эвакуированы в Пя-

тигорск. В связи с этим, в том же году было произведено два набора студентов на первый курс в количестве 450 человек. Всего за годы войны в институте обучалось более 2500 человек. Институт полностью подчинил свою деятельность нуждам населения. Лечебные и санитарные факультеты были реорганизованы в единый общемедицинский факультет. На нем изучались заболевания, в лечении которых остро нуждался город. Из-за того, что внутригородской транспорт не работал, студенты и преподаватели, стремясь попасть в институт, расположенный на окраине города, проделывали многокилометровый путь пешком. «Много раз для того, чтобы попасть на кафедру или на лекцию в Мечниковскую больницу, — вспоминал академик З. Г. Френкель, которому в то время исполнилось 72 года, — приходилось преодолевать пешком путь более чем в 10 км (и столько же обратно). В общей сложности это требовало 4–5 часов переходного марша. При возвращении пешком 19 декабря в морозный вечер, почувствовал головокружение и на время потерял сознание. Отлеживался в снегу. Через несколько часов дошел до дому. Потерял более 20 кг веса... Отекли ноги...»

Декан лечебного факультета, консультант госпиталей на Мойке и Васильевском острове, профессор А. В. Смирнов вспоминал:

«Начинался день обычно так: с утра пеший переход из больницы Мечникова в больницу имени Куйбышева (12 км), где проводились клинические занятия со студентами, затем на консультации в госпиталь на Менделееву улицу Васильевского острова. В 7 часов вечера я возвращался в больницу имени Мечникова и приступал к оперированию раненых.

Работали мы обычно при свете керосиновых ламп. Позже у нас появился „Движок“. Отапливались железными печурками. Оперировал до глубокой ночи».

Весной 1942 года все студенты и врачи приняли участие в мероприятиях по очистке города. Немецкое командование возлагало большие надежды на то, что с приходом весны в городе вспыхнут эпидемии. Но этого не случилось. Еле держась на ногах от усталости и голода, люди за несколько дней очистили город. Также активно участвовали студенты и сотрудники на строительстве оборонительных рубежей, в заготовке топлива, ремонте клинических ресурсов. В 1944 году, после снятия блокады был произведен ремонт павильонов. Война откатывалась на запад. Но до самой победы больница продолжала напряженно работать.

О роли больницы Мечникова и ЛСГМИ можно судить по тому, что за годы блокады институт подготовил и принял 310 тысяч раненых и больных, 420 человеко-дней отработали студенты на оборонительных сооружениях. Самоотверженный труд 413 студентов и сотрудников был отмечен орденами и медалями.

Школы, детские дома

В самые тяжелые месяцы блокады, в первую военную зиму, работала школа № 146 (улица Панфилова, 23). Ученики 7-го класса этой школы в своем дневнике написали: «Температура 2–3 градуса ниже нуля. Тусклый зимний свет робко пробивается сквозь единственное небольшое стекло в единственном окне. Ученики жмутся к открытой двери печурки, ежатся от голода, который резкой, морозной струей рвется из-под щелей дверей, пробегает по улице через примитивный дымоход прямо в комнату... Глаза слезятся. Читать тяжело, а писать совершенно невозможно. Мы сидим в пальто, в галошах, в перчатках и даже головных уборах...»

Учащиеся и педагогический коллектив 140-й школы (Большеохтинский пр., 25) гордятся тем, что здесь училась Алия Молдагулова — Герой Советского Союза, снайпер, погибшая в январе 1944 года в бою на территории Псковской области. Из рассказа выпускницы этой школы 1946 года Нины Стотик узнаем, что несмотря на холод, бомбежки школа ни на день не прекращала работы. После окончания 7-го класса в 146-й школе, где во время войны была только семилетка, ее вместе с одноклассниками перевели осенью 1943 года в 140-ю школу. Нина Петровна вспоминает: «Школа была большая, светлая, с паркетными полами, с множеством кабинетов: химии, биологии, физики и большой библиотекой. Блестящие уроки в эти дни давали учительница истории Анастасия Ивановна Иванова, учительница русского языка и литературы Евгения Васильевна Связева, учительница физики Татьяна Петровна Вихрова.

Начало учебного года было омрачено смертью учительницы физики Софьи Григорьевны. Вся школа присутствовала на этих похоронах. С фронта даже вызвали дочь учительницы.

К ноябрю похолодало, и всех учеников послали на дровяной склад на Малой Охте. Нагружали целую машину дров, затем выгружали их в подвал школы, и все последующие дни после занятий восьмые и девятые классы пилили и кололи дрова, разносили по классам начальной школы и в свои классы. И все это делали девочки, так как с 1943 года школа была женской. К началу занятий нянечки успевали протопить все печи в школе.

Несмотря на трудности, были в школе и праздники. Приходили шефы-моряки, проводили танцы 7 ноября, а в Новый год была и елка в Актовом зале.

В каникулы многих детей кормили в столовой школы — давали на обед кашу или сухой паек.

В конце января 1943 года попросили прислать девочек старших классов в госпиталь, что находился в больнице им. Мечникова, чтобы помочь врачам и медсестрам. Шло наступление, и раненых было много. В госпитале девочки разносили пищу, убрали посуду, кормили раненых, натирали спины, чтобы не было пролежней, писали письма, мыли полы, пели, плясали. В одно из таких посеще-

ний нас попросили отнести раненого, у которого из шеи бил кровавой фонтан. Врач зажал рану, а мы должны были осторожно приподнять раненого, переложить на носилки и перенести его со второго этажа на третий — в перевязочный пункт. По лестнице раненого надо было нести ровно. Впереди встали девочки маленького роста, сзади — высокие. Мы, как мухи, облепили носилки. На третьем этаже подкатили каталку. Пока раненому переливали кровь, делали перевязку, нас попросили отвезти каталку обратно в коридор. Честно скажу, у меня не было склонности к медицине. Когда мы с подругой вышли в коридор, то в углу около операционной (это был день массовых операций) мы увидели ворох бинтов и... руки, ноги, которые еще не успели убрать после ампутации. Это было очень страшно. После весенних каникул все ученики были заняты на сельскохозяйственных работах. Каждый старался внести свою лепту в Победу. Стремилась хоть как-то помочь бойцам на фронте, и Победа пришла 9 мая 1945 года».

Многие из учеников 140-й школы получили медали «За оборону Ленинграда».

Интересна блокадная история еще одной школы — № 141 (общественно-образовательной школы). С приходом войны тихая мирная жизнь полностью перемещалась. Все, кто мог, уходили на фронт. Ушел и выпуск 1941 года. Всего их было девятнадцать, вернулось только шестеро.

Ко времени начала блокады в школьном здании, занятом вначале под сборный пункт, размещался госпиталь. Школьное имущество, наглядные пособия, приборы были перенесены в специально выделенные для этого помещения. Школьная мебель была распределена по различным домам. Учебный год не мог начаться первого сентября, но десятки тысяч учащихся оставались в городе. По решению Исполкома Ленгорсовета с 20 октября школам было разрешено начать занятия с учащимися 1–4 классов в бомбоубежищах школ и в домохозяйствах, а с третьего ноября начинался новый учебный год для учеников 5–10 классов.

Старшие школьники в это время наравне со всеми участвовали во многих работах города: убирали овощи в пригородных совхозах (где сейчас размещаются кинотеатры «Охта» и «Ладога»), дежурили в группах противоздушной обороны, помогали в госпиталях, строили оборонительные сооружения.

3 ноября в школах Ленинграда начались занятия. В районе Большой Охты всех старшеклассников близлежащих школ собрали в школьном здании на Большой Пороховой. Теперь ученики не разделялись по школам, а учились все в одном месте.

Занятия проходили в необычной обстановке, часто во время урока раздавался вой сирены, возвещавший об очередной бомбежке или артобстреле. Ученики быстро спускались в бомбоубежище, занятия продолжались дальше.

Каждый учитель тогда имел два плана урока: один на день работы в нормальных условиях, другой — на случай артобстрела.

Обучение проводилось по сокращенному плану, в который были включены только основные предметы.

В декабре 1942 года, когда условия блокады особенно стали тяжелыми: не стало света, прекратили работу водопровод и канализация, остановились трамваи, школам было разрешено временно прекратить занятия. Но 39 школ Ленинграда решили продолжать занятия. В их числе была и сборная школа Большой Охты. В этой школе собрались ребята из всех ближайших довоенных школ, в том числе большинство учеников 141-й школы. Уже 2-го ноября 1942 года школа была переполнена. Почти по 50 человек в каждом классе. Ребята учились, стараясь не замечать, куда пропадали их одноклассники. Из дневника одной семиклассницы: «...всего пятнадцать человек успешно закончили седьмой класс». Всего пятнадцать из пятидесяти, пришедших в класс 3-го ноября. Но ребята учились, и учились довольно успешно. И всегда с учениками были учителя. Всю блокаду работали в Ленинграде учителя 141-й школы: Евгения Васильевна Связева, Зинаида Николаевна Кочергина, Людмила Ивановна Кавторева.

Второй военный год в школах Ленинграда протекал в трудных условиях фронтального города, хотя общая обстановка неизменно улучшалась по сравнению с первым годом войны и блокады. Школы обеспечивались топливом, в зданиях силами ребят и учителей был проведен необходимый ремонт, на протяжении всего года учащиеся обеспечивались трехразовым питанием.

Еще в 1942 году стали открываться школы, а с осени 1943 года полностью начала работать и 141-я школа. Однако она полностью изменилась. Девочки стали учиться в 140-й школе, а 141-я школа превратилась в мужскую. Ее возглавила на три года Евгения Аркадьевна Мошлевская. В классах насчитывалось по 15–20 мальчиков, и классов было всего 7–8.

По решению Совнаркома мальчики, не достигшие 15 лет, с заводов и воинских частей должны были направляться в школы. В школах было введено военное дело. Дети обучались строевой подготовке, знакомились с материальной частью оружия, изучали средства самозащиты. Многие делали ребята и для города: участвовали в субботниках по расчистке и благоустройству улиц, давали концерты в госпиталях, гасили «зажигалки».

Серьезной проблемой местного Совета была забота о детях, потерявших родителей в условиях блокады. Для них были созданы новые детские дома, расширены имеющиеся, контингент которых затем вывозился за пределы Ленинграда через Ладогу. Один из них находился на Гурдиной улице, 6, другой — на Малоохтинском проспекте, 55. Для удобства рабочих, которым некуда было деть своих детей во время рабочего дня, а также для тех, чьи дома полностью разбомбили, на территории фабрик и заводов работали специальные детские дома, которые в общем-то заменяли им родные их дома и квартиры.

Милиция

С начала блокады милиция была переведена на казарменное положение. Из воспоминаний машинистки, работавшей в Красногвардейском районном отделении милиции, Антонины Васильевны Кулаковой: «...в здании, где мы размещались, оборудовали комнату под общежитие, которое стало для сотрудников вторым домом. Как сейчас вижу — сменившийся с дежурства постовой, забежавший на минуту следователь. Греются у раскаленной „буржуйки“, попивая кипяток, на кровати в углу кто-то забылся тяжелым сном, видно тоже с дежурства».

У милиции в то время проблем с убийцами, диверсантами было не так много, как с убийцами более крупных масштабов — фашистами, которые изо дня в день убивали сотни ленинградцев. Хотя было немало людей, которые были не прочь поживиться на горе других людей. Снимали драгоценности с трупов, врываются в опустевшие квартиры и грабили, отнимая те последние драгоценности, которые оставались у людей. Нередки были случаи, когда мародеры за краюху хлеба выменивали у умирающего от голода коллекционера старинные книги или картины известных мастеров. Но ими всеми занимались органы госбезопасности или уголовный розыск.

Больше проблем у милиции возникало с пропажей карточек. В блокаду, когда хлеба не хватало, нечего было есть, пропажа карточек означала голодную мучительную смерть. А карточки восстановить было не так-то просто.

С переходом на карточную систему жители городов Советского Союза, кроме продуктов, получаемых по установленным нормам, могли также приобретать пищевые товары на колхозных рынках, в коммерческих магазинах. В Ленинграде же, в особенности в первый период блокады, такая возможность исключалась. Карточка являлась единственным источником получения продуктов. И если человек владел лишней карточкой, то имел ни с кем не сравнимое преимущество перед другими. Поэтому многие люди стремились всеми неправдами заполучить две, а если представится случай, то и больше карточек. Ошибочно выданные, обманно полученные карточки приводили к дополнительному расходованию продуктов питания, а в условиях блокады это равносильно удару в спину. В начале сентября мало уделялось внимания работе довольно сложной распределительной системы. Выдача разовых талонов на получение продовольствия производилась с нарушением инструкций. Наблюдение за возвратом карточек, если их владельцы потеряли на них право, в полной мере не обеспечивалось. На ряде предприятий служащим выдавали продукты по категории рабочих. Были и многие другие нарушения. В то время как каждая тонна излишне израсходованного продовольствия прямо затрагивала интересы населения и обороноспособность города. В связи с этим в

начале октября запрещалось производить выдачу разовых талонов на продовольственные товары. Карточки начали выдавать гражданам только после тщательной проверки первичных документов, а должностных лиц, допустивших нарушение инструкции о порядке выдачи, привлекали к судебной ответственности. Однако, несмотря на принятые меры, отдельные случаи обманного получения продовольствия были. Злоумышленники подбирали бумагу, краски и каллиграфически от руки изготовляли фальшивые карточки. В магазинах при тусклом освещении лампы или мерцающем свете коптилок фальшивки иногда сходили за подлинные.

В ноябре милиция задержала женщину, у которой обнаружили 100 продуктовых карточек. Она оказалась служащей фабрики, где печатались карточки. Обманными путями она сумела вынести их с фабрики.

Как ни странно, но наиболее актуальным преступлением среди населения было невыплачивание алиментов. В отделении милиции Красногвардейского района каждый человек был на счету, но специально для этого пришлось выделить сотрудника, который делал запросы во все концы страны, вел переписку с десятками городов, предприятий. Все ради того, чтобы помочь женщинам, детям.

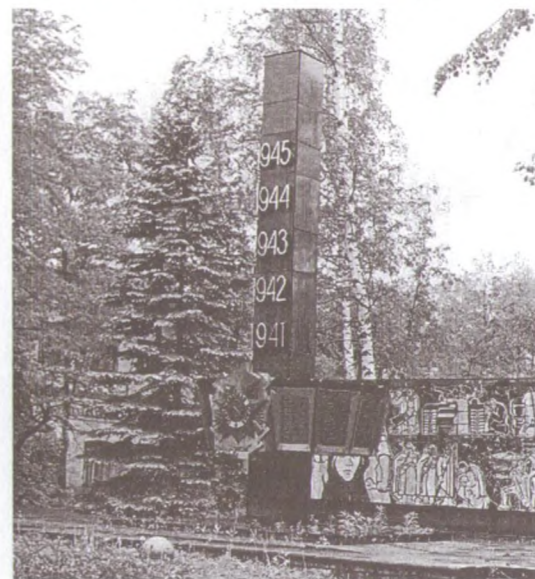
Нередко милиционеры спасали людей из-под обломков. Ржевка часто обстреливалась. Немцы знали, что в этом районе два завода изготовляли снаряды, и старались уничтожить их. И однажды они накрыли состав с боеприпасами на станции Ржевка. Были большие разрушения, много жертв. Милиционеры организовали аварийно-спасательные работы и сами помогали расчищать завалы, освобождая из-под обломков стен убитых и раненых.

В любое время дня и ночи, в проливной дождь и лютой мороз всегда можно было видеть на своих постах милиционеров, настоящих солдат в синих шинелях. Они несли свою нелегкую вахту не только возле заводов, но и у кинотеатра «Звездочка», на рынке, у продуктовых магазинов. Они всегда были готовы помочь всякому, кому требовалась помощь.

ПАМЯТЬ ЛЮДЯМ НУЖНА...

Блокада вошла в сознание каждого ветерана, оставив горькие воспоминания на всю жизнь. Море крови, страданий пришлось увидеть этим людям. Какую стойкость нужно было проявить, чтобы сохранить разум в таких обстоятельствах — можно только поражаться. Они готовы были пойти на все, чтобы защитить свой город. В эти тяжелейшие дни люди показали себя героями, проявив все свои лучшие качества: отзывчивость, доброту, самопожертвование. И именно этим героям посвящены памятники и мемориальные доски в нашем городе.

В нашем районе установлено немало памятников и мемориальных досок, посвященных героическим труженикам и защитникам блокадного Ленинграда. Так, например, на территории завода «Северный

Памятник на территории завода
«Северный пресс»

пресс» (ул. Громова, 1) находится памятник, посвященный памяти героев, отдавших жизнь в борьбе с фашистской Германией. Памятник представляет собой бетонную стену, опирающуюся на четыре блока, установленную на вымощенной плитками площадке. На лицевой стороне стены надпись: «В честь 20-летия победы над фашистской Германией 1941–1945 гг.». Здесь же изображен меч, разрубивший свастику. К сожалению, автор этого памятника неизвестен.

На Новочеркасском пр., 1, в память о погибших в боях Великой Отечественной войны сооружена памятная стела: на вертикально поставленной плите корабельного железа укреплена доска красного полировочного гранита с врезанной надписью: «Вечная слава героям-петрозаводцам, отдавшим свою жизнь за честь, свободу, независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны».

С начала войны 119 петрозаводцев ушло добровольцами на фронт. 329 человек записались в народное ополчение. В партизанских и истребительных отрядах находилось 75 тружеников завода, 281 были призваны в ряды Армии и Флота по мобилизации. Не вернулись с войны 49 петрозаводцев. Все они занесены в Книгу памяти.

Не забыли люди почтить память и рабочих Охтинского химического комбината. На улице Коммуны, 2, 29 октября 1968 года установлена мраморная доска: «Комсомольцам химического комбината — участникам гражданской и Великой Отечественной войн, отдавшим свои жизни за нашу Советскую Родину».

*Пусть мы не знаем ваших всех имен,
Но вы героями отчизны были, —
И в памяти потомков всех времен
Остались вечно молодыми.*

(Автор этого проекта и стихов В. А. МИХАЙЛОВ)

А позже был установлен памятник.

Большой вклад в победу над врагом внесли работники больницы имени Мечникова, которые дни и ночи не спали, спасая жизни других. 9 мая 1985 г. в честь празднования 40-летия победы, на территории института был установлен обелиск погибшим студентам и преподавателям. Профессора А. А. Козловский, Ф. Е. Тур; доценты и

ассистенты: А. Л. Ланцинг, В. В. Лихачев, Е. В. Молоков, Ф. Ф. Петров, С. И. Хаустов; студенты: В. Егоров, А. Кириллов, И. Межебовский, В. Михно, Ю. Шполянский и другие — вот имена тех, кто навеки останется в нашей памяти. Скольким людям они возвратили жизнь, тем самым увековечив себя в истории.

О многом, что произошло в годы войны, напоминают нам места и здания или просто дороги нашего города. Подчас, проезжая по улицам города, не знаешь, какую историю они имеют. Сколько всего они смогли бы рассказать, если бы умели говорить.

Идя по Шоссе Революции, редко задумываешься о том, что здесь когда-то было начало легендарной «Дороги Жизни». И только кинотеатр «Ладога» своим названием и стела регулировщице говорят о событиях тех лет.

Белый гранит, имитирующий дорогу с идущими по ней машинами с грузами, и рядом с дорогой молодая девушка, поднявшая флажок, показывая тем самым право прохода машин. Именно здесь, где сейчас находится памятник регулировщице, находился первый регулировочный пост, направлявший машины на «Дорогу Жизни» — дорогу спасения.

Однако Шоссе Революции и ул. Коммуны в годы войны были не только путем на Ладогу, но и фронтовыми магистралями. По ним осенью 1941 г. уходили на фронт батальоны ополченцев к Неве, чтобы помешать фашистам зайти в тыл защитникам города. В честь этих событий на протяжении улицы Коммуны и Шоссе Революции установлены памятные стелы «Ржевский коридор блокады», выполненные из серого гранита и облицованные плитами с изображением защитников Ленинграда.

На Рябовском шоссе, у дома № 135 сооружен памятник «Героическим защитникам Родины». Две равнобедренные стелы, примыкающие одна к другой, образуют двухблочную плоскость, установленную на трехступенчатой базе. Памятник облицован плитами серого мрамора и декорирован двумя станковыми мортирами и якорем с оборванной цепью. В верхней части более высокой стелы укреплен металлическая звезда и врезана надпись: «Вечная слава защитникам Родины». На второй,

выступающей вперед стеле, изображены перекрещенные пушечные стволы, на мраморе — надпись: «В память военнослужащим, рабочим и служащим, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и блокады города Ленинграда».

Памятник сооружен по проекту А. Алешковича, Д. Лейбовича, П. Лебедева.

У школы № 198 (Пискаревский пр., 13) установлена памятная стела «Невская дубровка», посвященная защитникам города балтийским артиллеристам 301-го отдельного морского артдивизиона КБФ. Автором проекта и организатором работ был капитан 1-го ранга Колесниченко В. Е.

Работники и ученики школы № 140 гордятся тем, что здесь когда-то училась Герой Советского Союза снайпер Алия Молдагулова, погибшая в январе 1944 года в бою в Псковской области. В память о ней была установлена мемориальная доска (к сожалению, доска была в плохом состоянии, и ее пришлось снять).

Мемориальная доска, установленная на стене вокзала Ржевской станции, посвящена событиям 29 марта 1942 г. В этот день произошел сильный взрыв, унесший жизнь множества людей. Она гласит:

«29 марта 1942 года станция Ржевка, на которой находилось большое количество вагонов с боеприпасами и цистернами с горючим, была подвергнута сильному артиллерийскому обстрелу противника. Взрывами огромной силы и огнем были уничтожены вокзал, стоящие на пути эшелоны и жилые дома поселка.

Погибли сотни людей: железнодорожники, военнослужащие, работники милиции, эвакуированные ленинградцы и жители поселка. Помни о тех, кто отдал жизнь в борьбе за Ленинград».

От Ржевки до границы города по Рябовскому шоссе установлены первые 3 из 45 мемориальных столбов. Сделанные из моно-

литного бетона по проекту архитектора М. Мейселя, столбы отсчитывают километры «Дороги Жизни». На нечетных километрах изображены рельефные надписи из металлических букв и эмблемы — пятиконечная звезда, и серп и молот — на четных. Мемориальные столбы отсчитывают километры также и на Ириновской железнодорожной линии, являвшейся составной частью «Дороги Жизни». На этих столбах железнодорожная эмблема — молоток и разводной ключ, выполненные из металла. На территории района они установлены от станции Пискаревка до пл. Н. Ковалево.

В память о временах войны установили у железнодорожной станции Ржевка артиллерийское орудие, чтобы люди помнили жестокости войны и не повторяли былых ошибок.

На сегодняшний день существует несколько проектов того, как увековечить память защитников Ленинграда.

В сентябре 1941 года во время продвижения через Комаровский мост колонны танков, одна из машин рухнула в Охту. Военные пытались поднять ее, но тогда это не удалось. Проведенная не так давно магнитная съемка акватории реки в районе перестроенного моста показала, что в нескольких метрах от берега, именно в том

месте, где, как свидетельствуют очевидцы, упал танк, имеется металлическое пятно 3×5 метров. Этот танк планировалось достать со дна реки, чтобы потом установить «его в районе, через который пролегла „Дорога Жизни“».

В свет вышел последний, 18 том «Книги памяти Ленинграда». Совсем недавно, 21 января, губернатор Владимир Яковлев вручил представителям общественных организаций города пробные экземпляры. И теперь «Книга памяти» включает полный список погибших в блокадном Ленинграде — 265 тысяч 967 человек, названных поименно.

На сегодняшний день подготовлен и уже почти построен грандиозный проект храма Пресвятой Богородицы, посвященный жителям города, погибшим в годы фашистской блокады. Храм планируется возвести в 2000 году.

Место для будущего храма, проект которого разработан известным петербургским архитектором Феликсом Романовским, выбрано не случайно. Во время блокады здесь, на Охте, располагалось кладбище, преданное впоследствии забвению. Постройка храма должна будет ликвидировать эту забывчивость потомков. Здесь будут молиться о здравии бывших жителей блокадного города и за упокой погибших.

Храм Пресвятой Богородицы

II. ЛЮДИ БЛОКАДЫ

АБРАМОВА Светлана, Музей ДДЮ, школа 431, 11 класс

ОПАЛЕННЫЕ БЛОКАДОЙ

Работа посвящается первой блокадной общественной организации города — РОО «Юные участники обороны Ленинграда». Почему я обратилась к работе именно этой блокадной организации, ведь их в городе несколько? Думаю, потому, что она первая, во-вторых, по возрасту во время блокады Ленинграда это были мои сверстники, это тем более интересно. В-третьих, история организации начала складываться с историй создания мемориального комплекса «Цветок жизни», посвященного ленинградским детям, погибшим в блокаду, и который строили школьники 70–80 гг., в том числе и Красногвардейского района. Более того, наш музей, где я являюсь председателем Совета музея, — это музей истории детского движения, в нем экспозиция «Война, блокада, дети» занимает значительное место. Подвиг Ленинграда — коллективный подвиг, и в нем достойно представлены дети, подростки, школьники.

В далеком 1968 году 25 подростков, награжденных за свой труд в осажденном городе медалью «За оборону Ленинграда» составили ядро будущей организации. Сегодня региональная организация «Юные участники обороны Ленинграда» насчитывают более тысячи человек, это убеленные сединами ветераны блокады, самому младшему из них — под шестьдесят. Среди них много охтян: Михайлов Анатолий Викторович, Коновалова Нина Николаевна, Смирнов Владимир Алексеевич, Метс Андрей Рихардович, Фудалей Виктор Станиславович, Уланов Николай Максимович, Попов Леонид Петрович, Михайлов Владимир Александрович, Гедимин Всеволод Владимирович и др. Уполномоченной по Красногвардейскому району является Мира Моисеевна Рыбальченко. Долгое время организацию возглавляла Тюлева Ольга Николаевна, с декабря 1999 г. — Колосов Юрий Иванович. Судьба подарила мне встречи с этими удивительными людьми. Они стали друзьями и помощниками актива учащихся нашего музея в любых мероприятиях: будь то экскурсия по музею для школьников района, жюри конкурса, исследовательская работа по экспозициям музея, учительская конференция, пополнение фондов музея... Вместе с ними у нас сло-

жились традиции: январские встречи школьников двух поколений, участие в памятной акции у «Цветка жизни» и др.

Какую литературу я использовала для своей работы?

Конечно, новейшую, в которой впервые были опубликованы многие неизвестные факты о блокаде. Это сборник документов «Ленинград в осаде», где опубликованы ранее неизвестные материалы, т. к. находились под грифом «секретно», например, о первой трагической эвакуации ленинградских детей и др.; книга Дзенискевича А. Р. «Блокада и политика»; книга Даева В. Г. «Педагоги блокадной поры», написанная по материалам ленинградских архивов; книга о юных участниках обороны города — «Дети города-героя»; «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина; книга «Подвиг века»; наконец, сборники, оставленные самими членами РОО «Юные участники обороны Ленинграда»: «Стояли со взрослыми рядом», «Мы вышли из блокадных дней», «Блокадной памяти страницы» и др.

Блокадные мальчишки и девчонки на Охте, как и во всем Ленинграде, были вездесущи. Приведу несколько примеров.

Коля Уланов, блокадный школьник, ушел юнгой на войну и с тех пор море и стихи стали его стихией. В сборнике «Грани судьбы» он рассказывает, как начинал службу на Охте:

*«Когда на флот приходит пополнение,
Я вспоминаю молодость свою:
Дни первые на службе и волнение,
Рожденное на Якорной — в строю.
Не сразу все как надо получалось.
Сбивался шаг. Не много мы могли.
Без строевых, без этого начала
Фарватер был закрыт на корабли».*

«Мы были юнгами поры военной...»

Стали связистами Ленья Попов и Витя Куропата. Когда первой блокадной осенью начались массированные налеты фашистской авиации, в ночь на 4 октября 1941 года загорелись заводы Красногвардейского района и связи со штабом МПВО не стало. Виктору Куропате было поручено отвезти пакет в район, а дорога была не близкой: от угла Среднеохтинского и Большой Пороховской до Свердловской набережной. Обстрел, бомбежка... но пакет был доставлен. Не отставал от него и Леонид. Какие только поручения они не выполняли, очень гордились, что им, 13-летним, доверяют как взрослым. За проявленное мужество и героизм они были награждены медалью «За оборону Ленинграда».

И, конечно, тушили зажигалки, помогали пожарным... Леонид Петрович Павлов рассказывал позднее в своих воспоминаниях, что тушение зажигалок считалось как подростками, так и взрослыми чуть ли не подвигом (я считаю — подвиг, ведь человек мог погибнуть, но сознательно шел гасить бомбу). Почему? Потому

что «зажигалки» были боевым оружием, которое совсем недавно держал в своих руках враг, а значит, сталкиваешься непосредственно с самим врагом. Потушить «зажигалку» означало одержать верх над фашистом, победить его. А учиться в блокадных условиях считалось, как само собой разумеющееся. Счет велся не пятеркам в школе, а кто сколько потушил «зажигалок». Запомнился налет вражеской авиации 29 октября 1941 г. — за умелые тогда действия группа самозащиты домохозяйства № 20 получила одобрение командования МПВО — 250 стабилизаторов было сдано в штаб объекта. Подумать только, 250! Леонид Петрович Павлов много помог потом в сборе материалов для «Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина, есть там и его рассказ об одной из новогодних елок 42-го года.

Многие ребята вставали к станкам, давали продукцию для фронта. Тогда в Ленинграде, обреченном на нечеловеческие страдания, любая пара рук была бесценна, любой работающий станок бил по врагу.

Встали к станкам на Охтинском химкомбинате, выпускавшем военную продукцию, Владимир Михайлов и Нина Коновалова. В числе 75 подростков они проработали там всю блокаду...

На Охте, где сейчас Красногвардейская площадь, у Комаровского моста, находился в годы блокады цех артели «Фанеродревтруд». В нем в 1942 и 1943 годах трудились 13–15-летние подростки-девочки: Зина Рязанцева, Лена Марченко, Рая Матвеева, Тася Павлова, сестры Ольга и Лида Добровольские, Зина Голицына, Рая Зубова и другие. Они выполняли важное государственное задание: изготавливали костыли для раненых и тем самым способствовали их возвращению в строй. А работа для девочек была непростая — сами строгали планки, сверлили отверстия, нарезали шипы, собирали «подмышники», олифили дерево. А когда костыли были готовы, их грузили на машину и отправляли на госпитальный склад, оттуда — в госпитали. Многие из девочек страдали дистрофией...

13-летний Анатолий Михайлов, как и многие охтинские подростки, трудился на сельхозработках во Всеволожском районе, на полях совхозов «Красный Октябрь» и «Ручьи». «Все, что мы делали, — вспоминает Анатолий Викторович сегодня, — мы не считали, да и сейчас не считаем чем-то исключительным. Мы жили настроением и примером взрослых, от которых никогда не слышали громких слов. Вместе с тем гордость за то, что мы ленинградцы и что стоим насмерть, была нам знакома. В декабре 1943 г. на большом собрании в Красногвардейском райисполкоме я получил медаль „За оборону Ленинграда“, „...и эта столь высокая награда священна будет для меня всегда“».

Помогали, чем могли, стояли со взрослыми рядом.

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

В жизни многое из прошлого забывается. Память сохраняет не все. Но есть события в истории, о которых забыть нельзя! Таким событием для всего нашего города стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

И так уж сложилось, что абсолютное большинство выпускников школ 1939, 1940 и 1941 годов оказались в действующей армии. На плечи этих мальчишек легла основная тяжесть защищать Родину.

Существует страшная статистика: из всех ушедших на фронт выпускников тех лет в живых остались только три процента!

Отдавая дань памяти и преклоняясь перед мужеством этих ребят, вскоре после окончания войны, практически, во всех школах городов и деревень стали появляться «уголки памяти», которые со временем превратились в «комнаты славы» или маленькие музеи. Музеи эти посвящались тем выпускникам, которые защищали нашу Родину от врага и не вернулись, и тем, которые остались в живых и сохранили память об этой страшной войне.

Школьники скрупулезно собирали экспонаты для своих музеев. Это были и старые фотографии и фронтовые письма, и немногочисленные вещи бывших солдат. И конечно же, самый большой вклад в создание этих музеев внесли сами ветераны, встречи с которыми часто проходили в школах. А их воспоминания о войне и о своих боевых товарищах были просто неоценимы. И хотя о войне написаны тысячи книг, созданы большие интересные музеи, возведены грандиозные мемориалы, но ценность маленьких школьных музеев, на мой взгляд, от этого не уменьшилась. У каждого такого музея своя история. История же нашего началась с небольшой статьи в газете, прочитанной учителем на уроке истории. Она рассказывала о необыкновенной судьбе одного летчика, настолько необыкновенной, что была похожа на легенду.

Имя этого летчика — Леонид Георгиевич Белоусов.

Ребята из нашей школы и учителя решили поближе познакомиться с человеком из легенды.

В течение трех лет наши следопыты собирали материал о необыкновенном летчике и о четвертом гвардейском авиаполке (ГИАП), в котором Л. Г. Белоусов служил командиром эскадрильи.

С той поры и сам Леонид Георгиевич и его однополчане стали хорошими друзьями и частыми гостями нашей школы.

В 1970 году наша пионерская дружина была удостоена имени Героя Советского Союза Л. Г. Белоусова, а 3 марта 1975 года, в канун 30-летия победы в школе был торжественно открыт музей боевой славы прославленного 4-го гвардейского ордена Ушакова истребительного авиационного полка Военно-воздушных Сил Краснознаменного Балтийского Флота, а попросту 4-го ГИАП.

Организаторами создания музея были энтузиасты: однополчане, бывший летчик С. М. Куликов и военврач В. А. Звонцов, представители школы А. Н. Медведева, С. Е. Славин, С. А. Савельева, В. Е. Гусев и учащиеся, во главе с инициаторами этого благородного дела бывшим командиром полка Б. И. Михайловым и директором 188-й школы Р. К. Пахтеловой. Немалую помощь в оформлении музея оказали однополчане, жившие в нашем городе и других городах России. Они прислали в дар музею фронтовые фотоснимки, газеты, плакаты, книги, очерки, стихи и различные реликвии.

Музей принят соответствующими организациями города. Имеет паспорт. И его адрес находится в справочнике школьных музеев города Ленинграда и области.

Не просто так дано имя нашему музею. Здесь, где стоит наша школа, находится наш район, до войны был пустырь. Во время Великой Отечественной войны, в тяжелые дни блокады Ленинграда здесь стояли зенитные батареи, они защищали больницу им. Мечникова, где в военное время находился госпиталь, боевой аэродром «Гражданка», железнодорожную станцию Ржевка и другие объекты города от внезапных атак фашистских самолетов. Над этим клочком земли летчики 4-го гвардейского авиаполка не раз вели ожесточенные воздушные бои, побеждая хваленых фашистских асов.

В музее находится более трехсот различных экспонатов и реликвий, показывающих историю и боевой путь авиаполка. На стендах музея можно увидеть фотографии Героев Советского Союза, отважных и мужественных летчиков и техников, прославивших авиаполк своими боевыми делами. Ветераны могут встретить в нашем музее фотографии своих однополчан, своих друзей, знакомых. Среди них, может быть, увидят себя. Невольно можно стать живыми свидетелями и участниками тех незабываемых исторических боевых событий, увидеть тех, кто в ожесточенных боях с врагом проявил мужество, храбрость и погиб славной смертью Героя.

Леонид Георгиевич Белоусов

Л. Г. Белоусов родился в 1909 году в Одессе. Службу в армии начал рано: в 14 лет он стал воспитанником 151-го стрелкового полка 51-й Перекопской дивизии. В 1935 году окончил школу

военных пилотов в Борисоглебске и назначен командиром звена в 3-ю истребительную эскадрилью КБФ.

В феврале 1938 года Л. Г. Белоусов выполнял ответственное задание командования. Под вечер с поста наблюдения сообщили на аэродром, что неизвестный самолет нарушил границу. Белоусов и его товарищи мгновенно выбежали из домика и помчались к ангару. Белоусов взлетел и пошел навстречу нарушителю границы. Погода стояла отвратительная, видимость минимальная. Он надеялся, что где-нибудь появиться «окно» и он «поймает» нарушителя. Но тот оказался осторожным и хитрым — развернувшись, сразу же ушел на свою территорию.

Отгнав нарушителя, Белоусов повернул на обратный курс. Снегопад усиливался, кружила метель, ориентиры стали невидимыми.

Сознанием летчика владела единственная мысль — выйти на свой аэродром. Наконец он, показалось, достиг этого и стал осторожно терять высоту. Шли секунды, а земли не видно, — вокруг лишь белая муть. Глаза слезились от напряжения.

Земля надвинулась на летчика внезапно и катастрофически. Едва он успел взять ручку управления на себя, как почувствовал удар самолета о землю. Взорвались топливные баки. Над машиной взметнулись языки пламени.

Горящий бензин мгновенно хлынул в машину, и летчик оказался в бушующем огне. Сильным ударом он вышиб боковину и вывалился из кабины.

Подбежали люди, но Белоусов уже ничего не видел. Превозмогая страшную боль, он успел крикнуть: «Режьте скорее шлем, давит голову!» Летчика едва живым привезли в госпиталь.

Почти 20 дней Белоусов не приходил в сознание. Когда с его глаз сняли бинт, случилось вроде бы чудо: зрение сохранилось. Летчик перенес 36 операций по пересадке кожи без наркоза. Стискивая зубы и с невероятным терпением переносил боль.

Леонид Белоусов вернулся в полк, даже не отдохнув от тяжелого и долгого лечения. Тогда шла война с белофинами, и он, пренебрегая здоровьем, добился направления на фронт.

Зима 1939—1940 года была лютой. Белоусов покрывал обожженное лицо специальной маской из ваты и марли, но в сильный мороз и маска не помогала. Приходилось терпеть страшную боль.

23 февраля, в годовщину Красной Армии и Военно-морского флота, Андрей Александрович Жданов вручал награды отличившимся в боях летчикам и обратил внимание на лицо капитана в морской форме: Жданов восхитился отважным летчиком, но все-таки порекомендовал отправить его на отдых в Сочинский санаторий.

Из санатория Леонид Белоусов возвратился осенью, когда его полк находился уже на полуострове Ханко. Этот остров, уходящий в море на 30 км к югу, по договору с Финляндией был отдан в аренду Советскому Союзу. С полуострова Ханко и с острова Хийумаа наши войска контролировали вход в Финский залив.

Вторая мировая война продолжалась. Обстановка в Прибалтике была напряженной и эскадрилья морских летчиков все время находилась в боевой готовности.

Командир эскадрильи Белоусов отменил все отпуска. С первых же дней Великой Отечественной войны фашистские войска начали активные действия против советских частей, находившихся на Ханко. Один за другим следовали массированные удары вражеской авиации и дальнобойной береговой артиллерии. В таких трудных условиях эскадрилья Белоусова вела разведку, штурмовала позиции врага, участвовала в воздушных боях. Ее летчик А. Антоненко первым на флоте сбил 23 июня самолет противника.

Защита полуострова Ханко бала тесно связана с обороной Моонзундских островов и Таллина. Торпедные катера и истребители с Ханко часто оказывали помощь частям, сражавшимся на территории Эстонии. 27 августа командир военно-морской базы Ханко генерал Кабанов летел в Таллин, чтобы получить последние указания от командующего флотом адмирала В. Трибуца. Генерала сопровождал на истребителе Белоусов. Он защищал самолет Кабанова, так как в воздухе могли появиться вражеские самолеты. Все обошлось благополучно, они вернулись на Ханко. Более пяти месяцев защищались советские воины на полуострове Ханко. За это время летчики эскадрильи Белоусова уничтожили более пятидесяти вражеских самолетов, потопили несколько судов, истребили много вражеской живой силы и техники.

За бои на Ханко Л. Белоусов был награжден вторым орденом Красного Знамени. По решению командования защита Ханко прекратилась и находившиеся там войска эвакуировались на помощь блокированному Ленинграду. На новом месте Л. Белоусова назначили заместителем командира истребительного полка.

Особенно суровый период жизни начался в конце 1941 года, когда полк летчиков-истребителей сражался в блокированном Ленинграде. Иногда приходилось делать по десять вылетов в день. Защищая Ленинград и «Дорогу Жизни» на Ладоге, летчики проявляли храбрость и героизм. Однажды после напряженного боя Белоусов, посадив самолет на аэродром, почувствовал, как и три года назад, что обмороженные ноги не хотят слушаться. Сначала он старался подавить боль. Некоторое облегчение принесло лечение в полевом госпитале, но болезнь обострялась. Врачи видели это и потребовали, чтобы он немедленно отправился в тыл на лечение.

Командир дивизии полковник И. Романенко отправил его в путь со словами: «Скоро твой полк станет гвардейским. А сейчас для тебя главное — вылечиться. Ведь твои ноги многое испытали: они и горели, и мороз их прихватывал — пора дать им хороший ремонт. Будь и в тылу таким же мужественным, каким был на фронте. Мы еще повоюем вместе!»

Через несколько дней Л. Белоусов оказался в Алма-Ате, в госпитале. Боль в правой ноге стала невыносимой. Врачи сообщили

свое решение: надо ампутировать. Белоусов не мог согласиться с врачами, так как это означало навсегда уйти из авиации. А расстаться со штурвалом он, как сам считал, не имел права: в небе Родины кружили самолеты врага.

В период тяжелых раздумий как-то прочитал письмо 13-летней дочери Нади из тыла, которое получил еще при защите военноморской базы Ханко. Девочка по-взрослому напутствовала отца: «Папочка, обо мне не беспокойся. Думай о себе и о своем здоровье. Бей фашистов! Пусть знают, какие в Советском Союзе летчики, танкисты и вообще весь народ...»

Письмо укрепило желание летчика остаться в боевом строю. Но болезнь обострялась, и ампутация правой ноги выше колена оказалась неизбежной. Вскоре последовало новое испытание: левая нога, в которой болезнь, казалось, отступает, снова стала распухать. Опять ампутация, на этот раз ниже колена.

Белоусов потерял надежду когда-нибудь еще подняться в воздух самолет.

Когда майор Леонид Белоусов очнулся после тяжелой операции — ампутации второй ноги, ему вспомнились слова фронтовых друзей: «Мы еще повоюем!» В госпитале он получил телефонограмму, в которой сообщалось, что он зачислен слушателем военной академии. По состоянию здоровья ему разрешили приступить к занятиям позже.

Ему разрешили учиться — значит, он нужен Родине!

Поступить в Военно-воздушную академию — мечта каждого летчика. Мысли о предстоящей учебе вдохновляли выздоравливающего Белоусова и давали ему новую силу. Но вместе с тем вспомнились ему воздушные бои над Таллином, Ханко, Ленинградом и раздумья об этом взяли верх над академией. Белоусов решил, что его место сейчас на фронте, в своем родном полку, а учиться можно потом.

Он написал товарищам на фронт: «...у меня теперь нет ног, но у меня есть глаза, отлично видящие фашистского зверя, а руки могут держать штурвал самолета и нажимать гашетки пулеметов. И я буду уничтожать фашистских захватчиков».

Через несколько месяцев заросли рубцы. Потом Леониду Георгиевичу принесли протезы. Сначала в них ему было трудно даже сидеть, но в скором времени он мог ежедневно уже по несколько часов ходить. Белоусов в госпитале Алма-Аты провел 426 дней. Морально и физически он подготовил себя к фронту, но как попасть туда? В военкомате и горкоме партии ему вежливо отказывали.

Но Леонид Георгиевич не оставил мысли возвратиться в строй бойцов. В одно весеннее утро — шел уже 1944 год — он наблюдал на вокзале, как формировали эшелон на фронт. Он решил вместе с бойцами уехать из Алма-Аты.

Когда в Ленинграде встретился с однополчанами, ему долго не верили, что человек с протезами вместо обоих ног один одолел

такую длинную дорогу. Командир полка В. Голубев и начальник штаба дивизии П. Ройтберг осторожно поинтересовались дальнейшими планами Белоусова. А тот напрямик ответил, что готов остаться в полку, хотя бы и на месте сторожа. Так Леонид Белоусов остался в родном полку.

Чтобы приступить к изучению истребителя нового типа и проведению тренировочных полетов, требовалось разрешение командования (нельзя было рисковать жизнью, а также самолетом). Разрешение получили, и в один из июньских дней 1944 года близ дома отдыха летчиков приземлился самолет ПО-2 из учебно-тренировочного полка ВВС Балтики, чтобы взять на борт инвалида первой группы и гвардии майора в отставке Леонида Георгиевича Белоусова и доставить его на аэродром.

Командир учебно-тренировочного полка сказал своему заместителю по летной подготовке подполковнику Борисову: «Командование лично вам поручило заняться тренировкой Белоусова. Это не обыкновенный летчик. У него нет обеих ног». Борисов удивился: «А это не тот Белоусов, который горел в самолете, потом командовал знаменитой эскадрильей на Ханко?» — «Да, тот самый...»

После нескольких тренировочных полетов Белоусов прибыл в свой полк. А после нескольких дней он выполнял уже боевые задания. В группе с товарищами он вел воздушные бои с фашистскими стервятниками в районе Нарвы, Кунда, Раквере, над Финским заливом. В боях за освобождение Эстонии в 1944 году Белоусов совершил 45 боевых вылетов.

В конце лета 1944 года развернулись решающие бои за освобождение Эстонии, и гвардейцы-истребители часто патрулировали над заливом, прикрывая с воздуха тральщики Балтийского флота.

Однажды летчикам сообщили, что с одного вражеского аэродрома взлетели «фоккевульфы» и «юнкерсы». С нашего аэродрома в Липово поднялись истребители и над Нарвским заливом с ходу вступили в бой. Над облаками, на встречном курсе Белоусова и его ведомого атаковали сразу три «фоккевульфы». Белоусов на крутом вираже увернулся от атаки и зашел в хвост врагу. Почуввав опасность, фашист спикировал, но Белоусов настиг его и послал вдогонку длинную очередь. Через несколько секунд «фоккевульф» перевернулся, загорелся и упал в воду.

Мечта Белоусова — сражаться крылом к крылу с товарищами — сбылась. День Победы он встретил в строю Балтийских летчиков.

10 апреля 1957 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Леониду Георгиевичу Белоусову присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АЛИЯ МОЛДАГУЛОВА

Вот уже 55 лет прошло со дня Великой Победы над фашистами, все меньше очевидцев остается в живых, но герои Великой Отечественной войны все так же притягивают внимание к себе, вызывают восхищение и любовь у последующих поколений.

Я учусь в 10-м математическом классе школы № 140 Красногвардейского района нашего города. Наша школа носит имя Героя Советского Союза Алии Молдагуловой. Рядом со школой есть улица Молдагуловой. Раньше в нашей школе был музей, посвященный ее памяти, в котором были собраны документы, книги, статьи об этой героической девушке.

Кто же она, Алия Молдагулова? Что дало ей силы в 19 лет совершить героический подвиг? У меня появилось желание побольше узнать о ней, о войне, о том, как отразилась война на жизни моих родных. Я знал, что мои прадедушка и прабабушка умерли во время блокады Ленинграда. Один мой дедушка, Калининчук Павел Михайлович, воевал на Черноморском флоте, участвовал в обороне Севастополя, защищал Малую землю под Новороссийском, был дважды ранен, затем участвовал в Параде Победы на Красной Площади в Москве. Другой мой дедушка, Папковский Борис Васильевич, профессор, доктор филологических наук был редактором Лениздата в течение всей блокады Ленинграда, а бабушка, Чеботаренко Ольга Ильинична, была начальником цеха завода искусственных кож на Васильевском острове, прожила почти всю блокаду в нашем городе.

Читая материалы об Алие Молдагуловой, я узнал, что она самое тяжелое время блокады провела в детском доме на Большой Охте.

Учащиеся нашей школы нашли классные журналы, ведомости с оценками Алии, есть воспоминания ее товарищей по классу, по детскому дому, воспоминания учителей и воспитателей, которые хорошо знали ее.

Как же девочка из Казахстана оказалась в Ленинграде, в детском доме? И я нашел воспоминания дяди Алии Аубакира Молдагулова, ее тети Сапуры Молдагуловой.

Они описывали раннее детство Алии, условия, в которых она росла. Алия, точнее Ылия, родилась в 1925 году в Казахстане, в сельской местности. В 1933 году умерла мать Алии — Маржан. После ее смерти отец с восьмилетней Алией и ее братом Багданом переехали жить к сестре отца в колхоз «Тегисшил». Через год отец отдает Алию на воспитание ее дяде, брату матери — Аубакиру Молдагулову.

Вскоре Аубакира направляют в Москву на учебу в Военно-транспортную академию (1934 г.). С 1935 г. по 1938 г. Алия вместе с младшей сестрой дяди Сапурой училась в московской школе № 35 (ныне — № 135). В Москве жизнь Алии и Сапуры была интересной, насыщенной, девочки часто посещали театральные постановки, музеи, утренники. Зимой ходили на лыжные прогулки. Алия ловко каталась на лыжах, участвовала в спортивных играх, каталась на коньках.

Училась она хорошо. Единственный предмет, который давался ей с трудом, был русский язык. По всем остальным предметам она получала оценки «хорошо» и «отлично».

С детства у Алии был настойчивый характер. Она на все имела собственное мнение. Сапура Молдагулова вспоминает, что с Алией иногда было трудно сладить. Она ни за что, например, не соглашалась расстроить общую игру, когда ее звали куда-то, опасаясь подвести товарищей. Алия была очень серьезная и ответственная не по годам. Она специально тренировала свою волю, никогда не соглашалась пойти играть или гулять, если не успела подготовиться к урокам.

В марте 1938 года Военно-транспортная академия, в которой учился дядя Алии, была переведена в Ленинград. Алия вместе с семьей дяди оказалась в нашем городе. Жили они в Смольнинском районе, на улице Веры Слуцкой, в доме № 2.

Летом 1938 года по семейным обстоятельствам Алию отдали в детский дом № 46, который находился на улице Гурдина недалеко от Большеохтинского моста. Алие в то время было тринадцать лет.

Дети из детского дома ходили на занятия в ближайшую к детскому дому школу. Теперь это школа № 140, в которой учусь я. Из воспоминаний учительницы этой школы Голубевой Марии Антиповны я узнал, что Алия постоянно выбиралась старостой класса. Она помогала учительнице наводить порядок в классе, дисциплину, не стеснялась пристыдить товарищей, которые мешали проводить урок. Прямота и честность Алии были качествами не показными, а настоящими чертами ее характера. Некоторые ребята сначала называли Алию ябедой, но учительница разъяснила им, что ябеда доносит тайно, а Алия открыто возмущается плохим поведением некоторых ребят и что это доказывает ее честность и принципиальность. Алия постоянно следила за чистотой и уютом в классе: на окнах были вымытые и политые цветы, на

партах под каждой чернильницей лежали белые салфеточки. Да и сама Алия всегда была чистая, причесанная, опрятная. К концу учебного года класс, в котором училась Алия, стал дружнее, сплоченнее, заметно подтянулся в дисциплине и в успеваемости. В этом была большая доля работы Алии как старосты класса.

Ребята любили Алию за ее серьезность, любознательность, за то, что она всегда помогала отстающим товарищам, объясняла непонятное. Алия горячо отстаивала свои убеждения, свои взгляды. Здесь она была многословной, умела убедить окружающих в своих выводах. В обычное же время она говорила мало, но к речи ее ребята прислушивались, уважали ее мнение.

Соученик по классу А. Лебедев вспоминает, что Алия была настойчивой, целеустремленной. Ей трудно было учиться по русскому языку, поэтому она ему уделяла много времени. Домашние задания по русскому языку переписывала много раз, пока не добивалась того, что в работе не оказывалось ни одной помарки. По всем предметам старалась отвечать только на «пятерки».

Неудачи каждого ученика класса Алия принимала близко к сердцу. Если кто-то отвечал на уроке плохо, Алия так расстраивалась, как будто это она получила «двойку». Она не успокаивалась до тех пор, пока этот ученик не садился заниматься и не исправлял плохую отметку.

В класс Алия приходила раньше всех, следила за тем, чтобы дежурные все приготовили к уроку заранее. Алию слушались все — и девочки, и мальчики, потому что они знали, что она все равно настоит на своем. Она никогда не боялась сказать человеку правду в глаза, она была справедливая.

Нина Кузьмина, подруга Алии по школе, вспоминала, что когда ее после смерти родителей направили в детский дом, то именно Алия проводила с ней много времени, старалась отвлечь ее от тяжелых и грустных мыслей, воспоминаний, помогала ей привыкнуть к детскому дому, детям, заботилась о ней. Алия была справедлива, прямо в выражениях, вспыльчива, но отходчива, добра по натуре и отзывчива. Она была непримирима к несправедливости.

Так проходили 1938, 1939, 1940 годы — в трудах, в учебе, в интересных делах.

Наступило лето 1941 года. Накануне войны дети из детского дома жили, как всегда, на станции Сиверская под Ленинградом. 21 июня 1941 года в гостях у ребят были летчики, их шефы. Они показали концерт и пригласили ребят на следующий день, 22 июня, к себе на аэродром. Наутро погода была солнечная, день обещал быть жарким. О войне узнали только после завтрака и не сразу поняли, что произошло. Но вскоре дети увидели множество летящих на запад самолетов, перепуганные лица взрослых и поняли, что случилось что-то плохое.

Вскоре всех детей увезли назад, в Ленинград, в детский дом. Через несколько дней ребят из детского дома отправили в эвакуа-

цию, но на очень близкое от Ленинграда расстояние, в Новгородскую область. Когда же враги стали подходить к нашему городу, детей снова вернули в Ленинград.

Учебу в школе начали позднее, чем обычно, и в школу дети не ходили, а учителя приходили к ним в детский дом. С каждым днем приходилось все труднее. Часто из-за бомбежек и обстрелов приходилось прекращать занятия. В детском доме было очень холодно, не было дров. Приходилось старшим ребятам ходить к Неве и разбирать там на дрова сараи и деревянные домишки. Вода в трубах замерзла. Группами ездили на больших санях на Неву за водой. На Неве большими ковшами набирали воду в бочку, а потом сани с тяжелой бочкой на себе тащили к детскому дому. Еды не хватало, начался голод. Давали какой-то бесцветный кисель и маленький кусочек черного сырого тяжелого хлеба весом 100 граммов. Учеба скоро совсем прекратилась. Обессиленные, истощенные дети не могли заниматься. Воздушные тревоги с каждым днем становились все чаще. Дети к ним привыкли и перестали ходить в бомбоубежище.

В ноябре 1941 года Алию принимали в комсомол. Вместе с директором детского дома Борисом Марковичем Красником 4 ноября они пешком пошли в райком комсомола, который находился у Финляндского вокзала на Свердловской набережной, там, где теперь находится Концертный зал. Началась бомбежка — очередная налет фашистов на город. Не дождавись окончания налета, поднялись и дошли до райкома. В это время бомбы стали падать совсем близко от Финляндского вокзала. Здание райкома сильно сотрясало, и заседание бюро было перенесено в бомбоубежище. Именно там, в бомбоубежище, Алие Молдагуловой был вручен комсомольский билет.

Пионервожатая Лидия Александровна Костина, работавшая тогда в детском доме, вспоминала о том, что на Алию всегда можно было положиться. Ее даже не нужно было ни о чем просить, потому что она сама понимала, чувствовала, где и кому тяжело, и сама шла на помощь. Во время блокады все дети голодали, были слабыми, болели. Однажды болела воспитательница младшей группы, и Алия, сама такая слабая, голодная, пришла к малышам и стала ухаживать за ними. Каждого малыша она вымыла в теплой воде, а ведь для этого ей пришлось наносить воды, нагреть ее. Руки не слушались, кружилась голова, но Алия понимала, что если вышел из строя старший, она, комсомолка, должна его заменить.

Однажды во время блокады в детский дом привели сироту. Девочка была очень истощена и все время просила есть. Алия обняла девочку: «Вот, возьми». Она протянула ей половину своего пайка. А для того блокадного времени это был героический поступок.

В школе № 140, где раньше учились дети из детского дома, во время блокады был госпиталь. Обустраивать его помогали ребята

из детского дома. Они мыли полы, окна, убирали помещения. Во всех этих работах активное участие принимала Алия. Вместе с ребятами ходила она по квартирам ленинградцев, помогала им, чем могла, собирала книги для раненых бойцов, проходивших лечение в 140-й школе. Ребята давали концерты в госпиталях, писали за раненых письма, а осенью на Ржевке рыли окопы.

В октябре 1941 года директор детского дома Борис Маркович Красник ушел добровольцем на фронт. Ребята его очень любили, и с его уходом сразу стало грустнее. Но 1942 год встречали в детском доме с елкой. Бомбежки эту ночь не было, но того веселья, радости, которые обычно дарит этот праздник, конечно же не было.

В дальнейшем почти каждую зимнюю ночь были по несколько раз артобстрелы, бомбежки. Старшие ребята, в том числе Алия, дежурили на крыше и на чердаке детского дома, гасили зажигательные бомбы. Они же помогали воспитателям собирать малышей и водить их в бомбоубежище, успокаивать их.

Пионервожатая Л. А. Костина вспоминала, что с декабря 1941 года в детский дом стали поступать осиротевшие дети, матери которых умерли от голода. Однажды прибыла группа очень ослабленных детей. Алия вместе с другими старшими детдомовцами старалась каждого пригреть, приласкать. Вскоре стали замечать, что Алия стала заметно слабеть, резко похудела еще больше, хотя и раньше была маленького роста и очень худенькая. Однажды, возвращаясь с Невы с водой, она потеряла сознание прямо на улице, на морозе. Ее нашли у дверей детского дома и еле смогли выводить. Оказалось, что она половину своего пайка отдавала девочке по имени Катя.

24 марта 1942 года детский дом эвакуировали на большую землю. Вечером на Финляндском вокзале детей посадили в вагоны и везли почти всю ночь. Когда подъехали к Ладожскому озеру, уже светало. Детей быстро пересадили в автобусы и поехали по льду Ладоги, по «Дороге Жизни». Был уже конец марта, лед был весь в полыньях, трещинах — было страшно. Но несмотря на постоянные бомбежки, ни один автобус не ушел под лед. После переправы на другой берег Ладоги детей привезли в столовую, и они впервые за всю зиму хорошо пообедали супом из сухой картошки. Так вспоминала об эвакуации на Большую землю воспитанница детского дома Зоя Кузьмина.

Детей из детского дома довели на поезде до Ярославской области и поселили в селе Вятском. Жители села постарались получше принять детей из блокадного Ленинграда, ведь дети были так истощены, были похожи на старичков и старушек с желтой морщинистой кожей.

Учительница села Вятское Суворова Татьяна Евгеньевна, которая учила детдомовцев биологии, вспоминала, что Алия выделялась среди ребят своей необычностью, силой своего характера,

добротой. У Алии появилось много друзей среди местных ребят: Нюра Корчагина, Шура Иванова, Валя Карасева, Зоя Кузьмина и другие. В селе Вятском дети из детского дома старались, как могли, помочь взрослым в это трудное военное время. Летом они помогали убирать сено, заготавливали веники на корм скоту, собирали средства для постройки танковой колонны «Некрасовский патриот», отправляли посылки бойцам на фронт. Ребята наравне со взрослыми работали в поле, собирали лекарственные травы для госпиталей, теплые вещи для солдат. Алия всегда была одной из организаторов этих дел.

Здесь, в селе Вятском, Алия закончила 7 классов.

На другой день Алия с другими выпускниками уехала из детского дома в Рыбинск, чтобы поступить в Военно-авиационный техникум. Она хотела как можно быстрее бить фашистов, попасть на фронт. В техникуме Алия проучилась всего 3 месяца и подала заявление в военкомат о своем желании стать добровольцем, чтобы идти на фронт. Но поскольку Алие было всего семнадцать лет, ее направили сначала на обучение в Центральную снайперскую школу, которая организовывалась под Москвой. Это была женская школа снайперской подготовки.

Из разных городов и районов страны направлялись сюда девушки, разные по образованию, по возрасту, по национальности. Но все они были одержимы одним стремлением — скорее на фронт бить фашистов. У многих из них на фронте сражались родные. Немало было и таких, которые уже понесли утрату: кое у кого погибли отцы, братья, мужья, и они хотели отомстить фашистам за смерть своих близких.

Алия Молдагулова была зачислена на Центральные женские курсы отличных стрелков в первый набор, то есть в декабре 1942 года, а закончила их в июле 1943 года.

Курсант снайперской школы Б. Плахута вспоминала, что Алия вела себя скромно, не выделялась среди других курсанток. Единственное, чем она отличалась, так это тем, что она отлично стреляла. Во время стрельб приходилось в любую погоду по 8 часов находиться на полигоне. Бывало, что даже портянки примерзали к сапогам — так было холодно, но девушки не ныли. Девушки долго не могли привыкнуть к зарядке на улице в зимнее время, в любой мороз, а зарядка длилась 20 минут. Потом надо было обмыться, а то и окатиться ледяной водой из реки, но это была отличная закалка и никто не болел от простуды.

Поскольку Алия по всем предметам, а особенно по стрельбе была среди лучших, ее и несколько девушек-снайперов оставили на курсах инструкторами и не разрешили ехать на фронт. Но Алия была настойчивой и добилась того, что в июле 1943 года ее все-таки направили на передовую на Северо-Западный фронт.

Алия попала вместе с подругами Зиной Поповой и Надеей Матвеевой в 54-ю отдельную стрелковую бригаду. Командиром ее был

Уральский Николай Матвеевич. Н. М. Уральский вспоминал: «На левом фланге стояла черноволосая, черноглазая, очень маленького роста девушка. Я ей дал команду: „На кухню Молдагулову, чистить картошку для раненых бойцов“. Не прошел я и четырех шагов, как Молдагулова перегородила мне дорогу: „А я, товарищ гвардии полковник, приехала на фронт не картошку чистить, а бить фашистов“. Взял я ее винтовку, вынул затвор, смотрю — канал ствола блестит, как зеркало. Оружие в полном порядке. „Ну что ж, — говорю, — доченька, иди, бей фашистов“. А винтовка у Алии была именная, с надписью на стволе: «Лучшему стрелку ЦК ВЛКСМ!»

Так Алиа стала ходить на «охоту», бить фашистов. Не раз Алие перед строем бойцов выносили благодарность за убитых врагов. Она их уничтожила более 120 человек.

Командир 4-го батальона Федор Моисеев вспоминает, как однажды в ноябре 1943 года, перед праздником Октября, Алиа за один день уничтожила 7 фашистов. Моисеев вместе с майором Салаевым пошли поздравить ее с такой удачей: «Тут же я (Моисеев) объявил ей, чтобы она отдыхала три дня при штабе, а она задает встречный вопрос: „Разрешите в праздник Октября находиться на переднем крае, а отдохну я после окончания войны“».

Ф. Моисеев вспоминает и еще один случай, когда Алея с двумя другими девушками-снайперами выдвинулась слишком близко к немецким позициям. Немцы их заметили и сделали засаду. Они решили взять девушек без боя. Когда снайперы поравнялись с ними, фашисты крикнули: «Хенде хох!» Девушки растерялись, но Алиа тут же крикнула: «За Родину!» и в упор выстрелила в одного из фашистов. Тут пришли в себя остальные снайперы и дали отпор врагу. Двух здоровенных немцев девушки взяли в плен и доставили на командный пункт.

3 декабря 1943 года Алию за уничтожение фашистов и проявленное мужество и находчивость наградили орденом Славы — высшим солдатским орденом.

В январе 1944 года Алиа Молдагулова подала заявление о приеме ее в партию. Рекомендацию Алие давал майор Салаев.

Будучи на фронте, Алиа использовала любую, даже короткую передышку для того, чтобы написать письмо своим родным и друзьям. В письмах она делится своими мыслями, желаниями, надеждами. Она беспокоилась о дяде, который был на фронте, об отце, от которого письма приходи нерегулярно. Алиа скучает по родным местам. В письме 21 июня к тете Сапуре она пишет: «О как хочется повидаться с вами, побывать в родном ауле! Но ничего, придет час, когда мы будем праздновать эту встречу, возвращение на Родину и победу — все вместе!»

В письме своему товарищу Олегу (фамилия не установлена) Алиа пишет такие строки: «Я повторяю: ненавижу врага, смерти не боюсь!» Алиа переписывалась с ребятами из детского дома,

подругами-снайперами из снайперской школы. Все ее очень любили.

О последних днях жизни Алии и ее подвиге сохранились воспоминания командира саперной роты Г. Гальперина, рядового К. Новикова, рядового Т. Варшавского, командира 4-го батальона 54-й отдельной стрелковой (дивизии) бригады Ф. Моисеева, разведчика той же бригады Е. Неруша.

Суть дела можно представить так. 14–16 января 1944 года 54-я стрелковая бригада получила приказ о наступлении в направлении железнодорожной станции Насва. В тяжелых ожесточенных боях солдаты сражались героически. Шли непрерывные атакующие бои за овладение деревнями Шенайлово, Волгино, Воево, Казачиха.

Алиа шла в первых рядах вместе с пехотой, уничтожая вражеские огневые точки, подбадривая солдат своими шутками. При прорыве сильно укрепленной противниками деревни Федорухново Алиа поднялась во весь рост и крикнула: «За Родину!» Этот призыв воодушевил бойцов, и они устремились за ней. Алиа первая ворвалась в траншею противника. Действуя автоматом, она истребила 10 немецких солдат и одного офицера. Немецкая оборона была прорвана, и деревня стала нашей.

Во время боя за деревню Воево Алиа тоже шла впереди бойцов, увлекая их за собой. В этой схватке она уничтожила 12 немцев.

В момент штурма подступов к железнодорожной станции Насва Алиа действовала с разведчиками батальона. Она заметила вражеский миномет, который бил по нашей пехоте и мешал солдатам продвигаться вперед. Алиа незаметно подобралась к нему и забросала его гранатами. Так, рискуя собственной жизнью, она спасла жизнь атакующим солдатам.

К деревне Казачиха подошли уже в сумерках 14 января. Враг занимал выгодные позиции, находившиеся на более возвышенном месте. Фашисты встретили наши войска ураганным огнем. Но нашим солдатам удалось закрепиться в траншеях, расположенных в нижней части деревни. Путь для продвижения батальона был прегражден. Необходимо было с ходу овладеть деревней, атаковать врага, не давая ему опомниться, но продвигаться под ливнем пулеметного огня было невозможно. Подготовка к бою проходила ночью, чтобы враг не заметил. Погода была скверная, ветер, пурга. Лишь только забрезжил свет, батальон, в котором была Алиа, начал наступать. Бойцы выбили немцев из окопов, враг отступил, готовясь перейти в наступление. В этот момент был убит командир роты, среди бойцов случилось небольшое замешательство. Немцы воодушевились, начали наступать и могли уничтожить батальон. Алиа, вероятно, почувствовала, что медлить нельзя. Не считаясь опасностью, она поднялась во весь рост и крикнула: «Вперед за Родину!» Солдаты бросились за ней. Немцы растерялись. Алиа увлеклась, продвигаясь вперед и уничтожая

фашистов автоматными очередями. Она оторвалась от наступающих солдат на 20 метров и ворвалась в немецкие окопы. Из блиндажа выскочил фашистский офицер и схватил девушку. Но Алия не растерялась: она всегда умела собираться в трудную минуту. Завязалась рукопашная схватка, силы были неравные, но нечеловеческим усилием Алия вывернулась из рук фашиста и дала очередь автомата по немецкому офицеру. Но почти одновременно раздался и его выстрел, попавший Алии в грудь. Рана была смертельной.

Гибель Алии потрясла бойцов, никто не хотел верить, что ее больше нет.

Алию похоронили в отдельной могиле в яблоневом саду деревне Казачиха. Во время похорон состоялся митинг. Бойцы и командиры плакали и на могиле Алии поклялись бить фашистов беспощадно и отомстить за гибель Алии. За этот последний бой и за боевые заслуги Алия Молдагулова была представлена к высшей награде нашей Родины — званию Героя Советского Союза.

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Зима 1941 года

Был один день, когда магазин в нашем ИТРовском доме не смог обеспечить нас хлебом, и надо было идти за ним на улицу Коммуны. Чтобы совершить этот тяжкий путь, мы пошли вдвоем вместе с мамой. Вечерело. Мы молча медленно шли, поддерживая друг друга, ступая след в след, за медленно бредущей вереницей закутанных теней, направляющихся в сторону магазина. Стыло дыхание. Дорога казалась бесконечной. Вдруг впереди нас покачнулся мужчина, сделал несколько неуверенных шагов... и медленно упал. Я часто, точно наяву, вижу его высокую худую фигуру в черном пальто с черным каракулевым воротником и в черной каракулевой шапке пилоткой. Вижу, как он падает. Ведь мертвые остаются с нами. Сердце сжалось, душа переполнилась состраданием. Но помочь было нечем. Мы едва стояли на ногах. Вернемся ли? Сможем ли? Побрели дальше. Потом упал другой человек, потом — еще кто-то рядом, потом еще и еще, а мы все брели и брели своей дорогой, еле поднимая ноги, перешагивая павших. Шаг, еще шаг — отдых. Пошел снег, укрывая белым саваном все ужасы войны, содеянные сверхчеловеками.

Я не помню, как мы вернулись. Видимо, были исчерпаны даже запредельные возможности человеческой психики. Хлеба нам не досталось. В городе лопнул водопровод.

Казалось, мы пережили самое страшное, но это было не так. Самое страшное было еще впереди. Наступил день, когда упала и я.

Вижу, как если бы это было вчера.

Люто холодный зимний день. Ветра нет. В голубом небе золотое холодное солнце. Яркий свет слепит глаза. Чистый снег переливается перламутровыми искорками. Вижу улицу, занесенную снегом. Справа и слева гигантские сугробы. Длинные деревянные

* Воспоминания Н. Н. Коноваловой впервые были напечатаны в журнале «Санкт-Петербургский Университет», № 11–12, 2000.

городского типа дома в один этаж, с высокими красивыми окнами, обезображенными матрацами, заткнутыми в дыры. Крыши домов с огромными снежными шапками, наползающими на окна. Крыльцо, засыпанное снегом. Тротуаров не видно. Вокруг сплошное белое пространство, мерцающее в холодных золотистых лучах и жуткая тишина. Пауза, ни воя сирен, ни залпов, ни отдаленного гула — **НИЧЕГО!** Лишь стылая неподвижность всего, скованная холодом.

Я одна на моей, но сейчас чужой для меня улице, и **ОНИ...** засыпанные мягким пушистым снегом. Отрешенная от мира, не испытывая никаких чувств, я бреду, еле переставляя ноги, в сторону комбината и тяну за собой маленькие самодельные саночки. Лишь бы дойти... Ни отчаяния, ни страха, ни страдания — только слабость. Лицо стынет, каменеет, глаза слепит нестерпимо яркий свет, руки коченеют, дышать трудно, слишком холодно.

Мой первый рабочий день на Охтинском химкомбинате

Принимал меня на работу майор Сыромятников, который был помощником директора по кадрам и режиму. Какое-то подсознательное чувство подсказывало мне, что передо мной сидит хороший человек. Так потом и оказалось.

В разговоре со мной он вел себя доброжелательно и просто: «Вот окрепнешь, тогда переведем тебя в цех на рабочую карточку, а пока походишь в курьерах».

Мне дали расписаться в приказе и вручили пропуск с моей довоенной фотографией.

На следующий день, т. е. 22 июня 1942 года, с пропуском и папкой документов в руках я перешагнула в проходную комбината. Оказавшись по ту сторону проходной, я растерялась, так как никогда не видела завода изнутри. Если бы меня спросили тогда, как я себе представляю территорию завода, пожалуй, не смогла бы ответить. На заводе я никогда не бывала, телевизоров в быту еще не существовало — откуда же мне было знать, какая она. Может быть, поэтому, к моему великому изумлению, я увидела слева живописный берег озера, заросший деревьями, кустарником и дикими травами, тянувшийся до горизонта, а справа — обыкновенную улицу, состоящую из краснокирпичных одно- и двухэтажных домов.

Меня предупредили, чтобы я шла точно по плану, т. е. по списку с номерами цехов, а номера цехов были проставлены в порядке расположения их, начиная от проходной. Я направилась к первому от меня зданию, но никаких признаков в нумерации не обнаружила. Правда, цех оказался тем самым, что числился в моем списке-плане первым. Вручив документы начальнику цеха, как было предписано устно, я двинулась дальше. Переходя из цеха

в цех, я заметила, что дома не совсем дома, что снаружи на их стенах тут и там протянулись трубы и что от них распространяется скверный, незнакомый мне запах. Когда я переступила порог очередного цеха, меня обдало жарким паром и едким запахом. Пройдя еще несколько цехов, я поняла, что конца улицы не видно. «Когда же и где же конец», — промелькнуло у меня в голове, ведь я так устала. Походив еще, я так ослабла, что сил у меня больше не осталось. Я почувствовала, что больше не могу ходить и села на какую-то просмоленную бочку, покрытую какими-то разноцветными облупившимися лаками. От усталости и неопределенности я заплакала. Вдруг кто-то взял меня за косичку. Передо мной стоял симпатичный мужчина в ватнике.

— Почему девочка плачет? — спросил он, улыбаясь.

— Устала, а конца не видно.

— Сиди тут, а я разнесу все бумажки, или идем вместе, если можешь? — он серьезно и внимательно посмотрел на меня: у меня была дистрофия. Трава помогла выжить, но она не могла вылечить дистрофию.

Мы пошли. Он крепко держал меня под руку. С ним здоровались встречавшиеся мужчины и женщины в таких же ватниках, как и у него, называли его Александром Ивановичем, разбирали из моей папки документы — все было в полном порядке. Я успокоилась. Вот и последняя бумажка. Впереди последний хлорный цех. Приблизившись к зданию, над которым висел белесый туман, я закашлялась, захлебнувшись жгучим воздухом. Александр Иванович сказал мне:

— Там люди работают в противогазах. Стой тут. Я отнесу бумаги сам.

Вернувшись, он внимательно и серьезно посмотрел на меня и спросил:

— Сама дойдешь до заводоуправления?

Осенью нас, несовершеннолетних, отправили в подсобное хозяйство на уборку и засолку капусты. А когда мы немного окрепли, нас распределили по цехам. Я попала в цех № 6 на пороха. Мы работали на конвейере с черным порохом и с порохом для «катуш». Прежде чем войти в цех, дежурные проверяли волосы, одежду и обувь, чтобы в голове не было шпилек или заколок, на одежде металлических пуговиц, а на обуви гвоздей. Особенно тщательно проверяли обувь, т. к. резиновые набойки на каблуках прибивались в те времена гвоздиками. Гвозди, как и другие металлические предметы, могут при ударе вызвать искру, а это пожар.

Работать на конвейере оказалось зверски трудно. Надо было успевать за его ритмом. Нельзя было остановиться, чтобы передохнуть. Я не успевала, тогда меня перевели на порох для «катуш». Меня посадили за теплый алюминиевый столик, на котором раскладывали белые полоски шириной поменьше ладони. Когда они становились мягкими, их надо было перевернуть. Вот

и все. Работа мне показалась такой легкой, что я несказанно обрадовалась. Наконец-то я могу работать не через силу, а насколько хватает моих сил. Но очнувшись я в медпункте. Я надышалась парами пороха. Меня опять перевели, но теперь на легкую работу без какой-либо вредности.

**Мне 14 лет.
Блокадная весна 1942 года**

Внутри нас существуют какие-то защитные механизмы памяти, которые задвигают наши трагические воспоминания на самое дно человеческой души и прочно запирают их на долгие годы. Лежат они там за семью печатями в полной неприкосновенности, давая нам силы жить, дышать, любить и радоваться. Но стоит только напомнить чем-то, как-то задеть их — занеет, заболит душа. В горькие минуты жизни мы все ощущаем ее по нестерпимой боли, по горячим слезам, которые невозможно сдержать никакими силами. Видели, как плачут старые фронтовики? О чем плачут, молчат. Говорят о другом. Редко выступают и те, кто прошел фашистские концлагеря, потому что у них на это нет сил.

Я пыталась записать воспоминания своей матери о блокаде, но слишком поздно об этом подумала. Записывала многих, а вот мать — опоздала. Казалось, успею: свой человек, сидит дома, рядом.

А ей под конец жизни и не захотелось на эту тему говорить: не хотелось выпускать джина из бутылки. Наш организм — существо мудрое, борется за нас, не давая истратить остаток сил на его уничтожение. Инстинкт самосохранения срабатывает.

— Расскажи, что помнишь.

— Страшно было. Голод. Знаешь, когда была маленькой, мы, девочки, любили ходить в церковь. Смотреть на свадьбы.

И начинался интересный рассказ атеиста о красоте свадебного обряда.

Я осторожно пытаюсь перевести разговор на нужную мне тему:

— А помнишь, как сажали картошку у военного городка на улице Лазо весной сорок второго?

— Помню. А какая веселая была масленица! Народу много, все нарядные. Карусель вертится. Калачи горячие продают...

— Подожди, о калачах потом. Ты сказала, что помнишь об огороде...

— Помню. А на масленице цыгане пели...

А было это так...

Несмотря на ослепительное солнце, весна 1942 года была страшно холодная. К этому времени у нас кончились «дрова». Зимой довольно долго сотрудникам комбината выдавали для дома по 3–4 обрезка от досок, которые шли под тару, размером в две ладони. К весне их перестали выдавать, очевидно они кончились. Протапливать «буржуйку» стало нечем.

Нормы хлеба увеличивались, но смертность от голода все еще была очень высокой. Мою мать вместе с другими сотрудниками направили на уборку Пороховых от трупов и нечистот. Домой она возвращалась молча, почти не раздеваясь ложилась в постель, на вопросы не отвечала. Утром так же молча уходила на работу. Лицо приняло равнодушно-скорбное выражение. Щеки провалились, черные провалы под глазами зловеще предвещали конец. Дистрофия второй степени перешагнула в последнюю стадию. Ей начали выдавать тюлений жир по столовой ложке в день, а мне — рыбий жир. Я стала отдавать ей свою порцию. В той стадии истощения, в которой находилась моя мать, люди к жизни не возвращались. А она выжила. Смерть отступила. Поэтому я до сих пор считаю, что рыбий жир — эликсир жизни.

В апреле на всех предприятиях города были созданы подсобные хозяйства. Надо было обеспечить овощами заводские столовые на зиму следующего блокадного года. Кроме того, всех наделили участками земли под индивидуальные огороды и выдали небольшие кулечки с бледными ростками картофеля, которые выращивали из глазков клубней. Они были такими же немощными, как и мы, поэтому с трудом верилось, что из них что-то может вырасти.

Мать долго рассматривала их, держа развернутый кулечек на раскрытых ладонях.

— Не знаю, стоит ли заниматься бессмысленной работой? Ведь на это уйдет столько сил...

Тем не менее мы отправились сажать огород. Когда доплелись до нашего участка, силы иссякли и ни о какой работе на земле нечего было думать. Но нам повезло: мы получили две узенькие грядки на бывшем огороде, что значительно облегчало нашу задачу. Передохнув, мы принялись за странную работу. Огорода мы не копали. Отвалив лопатой немного земли, мы втыкали в ямку росток, затем ладонями прижимали землю вокруг него.

Все лето мы питались травой. Сначала, в апреле, я собрала возле дома крапиву. Мы сварили щи. Это было напутствие бабушки: «Дотянуть бы до травы, тогда выживем!». 12 мая она умерла. Но завет ее я выполнила: ежедневно за домом спускалась берегом реки Охты к бывшим огородам, чтобы нарвать лебеды. Из нее мы пекли лепешки.

Мой 6-й блокадный класс ШРМ № 26

Наша школа рабочей молодежи возникла не вдруг и не сразу, но по-военному быстро. 15 июля 1943 года было опубликовано постановление СНК Союза ССР «Об обучении подростков, работающих на предприятиях», согласно которому занятия в школах начинались 1 октября 1943 года. Разместили ее в очень красивом лесу у озера, в старинном здании бывшего заводоуправления фабрики «Пятилетка». Первая в стране фабрика по производству вис-

ки как-то подозрительно начали вздрагивать, где-то рядом вылетело стекло — еще секунда и все рухнет, и не останется никого и ничего... Из-за детонации, вызванной обстрелом, взорвался склад боеприпасов на территории фабрики. Погибло 13 человек. Теперь на том месте — мемориальная доска с именами погибших.

Так прошел тогда еще один обычный военный день 22 ноября 1943 г. Надо было жить дальше. В школе все постепенно налаживалось. Появились карты, братья Петровы чертили схемы и рисовали наглядные пособия по ботанике, так как учебников не хватало. Кое-что мы даже делали дополнительно. Мне было поручено сделать сообщение о муравьях. Удивительные вещи мы узнали из книг, принесенных учительницей: и муравьи воюют!

Любили мы не только нашу славную Киру Андреевну и ее предмет, самый мирный, самый «невоенный». Что может быть лучше природы и познания ее законов?! Мы любили Марию Степановну Корнееву — математичку, строгую и требовательную, но вместе с тем исключительно доброжелательную ко всем. К сожалению, сил на математику не хватало, домашнее задание требовало времени, которого тоже не было. Суббота была рабочим днем.

А еще мы любили литературу и поэзию. Стихи читались тогда иначе, чем сейчас...

*Не пылит дорога,
Не дрожат листья...*

Завораживали тишина и покой, которых не было в жизни. Симоновские строки говорили с нами о настоящем. Кто тогда не знал его стихов «Жди меня и я вернусь...»? Нельзя до конца понять психологической атмосферы тех лет без этих стихов. Я бы сказала, что это была своеобразная окопная молитва, которая жила в душе каждого солдата, да и солдата ли только. Люди всегда отбирают из прочитанного то, что дорого им в данный момент. Глагол «ждать» был самым актуальным: мы ждали Победы, мы ждали нормальной мирной жизни, ждали близких и родных, дети и подростки ждали, когда можно будет пойти в школу. Наши души жаждали конца мучений, тишины, покоя, света наконец.

Ведь мы жили в кромешной тьме. Строжайшая светомаскировка на работе и дома превращала мир в беспросветный мрак. Военные зимы были холодными и снежными. Все вокруг заметало гигантскими сугробами. На работу бредешь во тьме, из школы — во тьме. Чуть с дороги — в сугроб.

Мне трудно описать чувство, охватившее меня, когда я услышала, что для нас открылась школа, и мы можем учиться. Школа, пионерлагерь, хоркружок... когда и где это было?! Не верилось! Хотелось бежать, бежать в школу и сесть за парту. Школа дала мне душевный покой и уверенность, что все в жизни будет прекрасно! Когда закончилась вторая четверть, наступил, наконец, в нашей жизни великий день — день снятия блокады 27 января

1944 года! Последний авианалет на Ленинград был 22 января, накануне освобождения города. Конец обстрелам, конец непроглядной тьме. Долой светомаскировку! Началась другая жизнь под торжественные звуки военных маршей, с салютами в честь освобождения городов.

Но это было потом, а пока шло лето 42-го и мечта о картошке не выходила у меня из головы. Время от времени я напоминала об огороде, мне не терпелось посмотреть на него, хотя было ясно, что в июне картошки не бывает, но мечта есть мечта, и я не переставала ныть:

— Давай сходим, посмотрим, вдруг что-нибудь уже выросло.

— Да там все засохло давно. Огород требует ухода. Росточки надо было полить, картошку окучивают...

Наконец у матери лопнуло терпение и она сказала: «Пошли!». Был июль. Когда мы подошли к военному городку, а наши грядки находились у самой дороги перед проходной, мы увидели могучие кусты сочной ботвы, усыпанные сиреневыми и белыми цветочками. Мы молча смотрели на них, не веря своим глазам.

— Не может быть! Это не наш огород! Наверное, все ушло в ботву.

Она достала план. Огород был наш.

— Давай копать!

Рано, картошку копают в августе.

Лопата вошла в землю — я руками раздвинула ботву и ахнула! Две розовые картошины нормальной величины весело смотрели на меня, а вокруг них розовели крохотные кругленькие картошинки. Радости нашей не было конца. Мы осторожно, как археологи, отшипнули их, также осторожно засыпали землей картошинки, постояли, подумали.

Надо полить. Нашли большую ржавую консервную банку, зачерпнули в канаве такой же ржавой воды, полили куст. Не сговариваясь, одновременно протянули руки ко второму кусту. Работа «археологов» продолжалась. Теперь мы боялись, как бы не осталось непроверенного куста, где могли уже вырасти клубни. В тот день мы выкопали 6 полноценных картофелин.

Потом полили все поврежденные кусты. Счастливые, мы уже не шли домой, а летели как на крыльях, хотелось скорее сварить их и съесть.

БЛОКАДА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА (из воспоминаний Героя Социалистического Труда Л. М. Смирновой)

В трудные блокадные месяцы не только советские люди, но и весь мир следил, с какой стойкостью и упорством задыхающийся в осаде город оказывал сопротивление врагу. Фашисты не могли понять, откуда у населения, лишённого продовольствия, топлива, электроэнергии, берутся силы для борьбы.

Голодные люди падали и умирали на улицах, предприятиях, но умирали как герои, без единого слова, без стоа и жалоб. Измученные ленинградцы во имя любви к Родине и своему народу находили в себе силы держаться, работать и побеждать. Сколько раз фашисты объявляли: часы города сочтены, он пал. Но торжество их оказывалось преждевременным. Снова и снова Ленинград давал отпор натиску врага, и запас сил у его защитников казался неисчерпаемым. Их веру в победу питала абсолютная убежденность в том, что никогда сапог фашиста не ступит на ленинградскую мостовую.

На защиту родного города вставали все мужчины и женщины, взрослые и дети. На фоне массового героизма в дни блокады не сразу заметишь скромные дела детей. Но в мощном полифоническом звучании ленинградской эпопеи тема детей особенно проникновенна. Дети Ленинграда во всем равнялись на взрослых. О ленинградских мальчишках и девочках можно было написать горы пухлых и объемистых блокнотов. Они во всем похожи на своих отцов и детей. Так же беззаветно любили свой город, всегда всем готовы были помогать старшим. Они были мужественны и стойки — вместе со взрослыми трудились, боролись. Они тушили десятки тысяч зажигалок, сбрасываемых с самолетов, они тушили пожары в городе, стояли в очередях за хлебом, ловили шпионов и диверсантов. И самый великий подвиг школьников Ленинграда в том, что они учились. Учились, несмотря ни на что, вместе и рядом с ними навеки сохранится в истории обороны города мужественный облик ленинградского учителя. И те, и другие из

мерзлых квартир, сквозь стужу и снежные заносы шли в оледенелые классы, и одни учили, а другие учились.

В своем коллективном дневнике учащиеся 7 класса школы № 148 Красногвардейского района писали: «Температура 2—3 градуса ниже нуля. Тусклый зимний свет робко пробивается сквозь единственное небольшое стекло в единственном окне. Ученики жмутся к открытой двери печурки, ежатся от холода, который резкой, морозной струей рвется из-под щелей дверей, пробегает по всему телу. Настойчивый и злой ветер гонит дым обратно с улицы через примитивный дымоход прямо в комнату... Глаза слезятся. Читать тяжело, а писать совершенно невозможно. Мы сидим в пальто, в галошах, в перчатках и даже в головных уборах...»

В своей работе я рассказываю об удивительной женщине, потомственной охотке, Людмиле Михайловне Смирновой, которая в дни блокады была еще ребенком. И я буду рада, если судьба этой замечательной женщины заинтересует и вас.

Детские годы

Людмила Михайловна Смирнова родилась в 1939 году. В дни блокады жила на Костровской улице. Ее отец, Михаил Федорович Смирнов, 1910 года рождения, до войны работал на Петрозаводе. Мать Мария Игнатьевна, 1907 года рождения, в войну работала почтальоном. Маленькая Люда ходила в детский сад. Садик был кирпичный и размещался на пересечении Георгиевской улицы (ныне Шепетовской) и Среднеохтинского проспекта. К сожалению, дом, где располагался садик, не сохранился. Этот детский сад в те годы посещал 21 ребенок. Оказывается, раньше все детские сады назывались «очаг». Из всех своих блокадных друзей Людмила Михайловна до сих пор помнит мальчика Борю Залексона. У нее сохранились фотографии тех лет. Известно, что во время войны такие детские сады существовали при заводе «Северный пресс» и при Ржевском полигоне.

В те тяжелые времена все лучшее отдавалось детям. И закономерно, что все дети, посещавшие детский сад, выжили, несмотря на голод и холод, который царил в Ленинграде. Дети с радостью шли в садик, где их встречали внимательные и добрые воспитательницы и нянечки. И, хотя шла война, жизнь продолжалась. И даже здесь, в блокадном Ленинграде, отмечали праздники и верили в победу. Так, в воспоминаниях Людмилы Михайловны остался новогодний праздник. Такие праздники по традиции отмечали на заводах, предприятиях и приглашали детей сотрудников. И, несмотря на войну, традицию не нарушили и устроили новогодний праздник с елкой и Дедом Морозом в те суровые годы. Маленькая Люда получила в подарок огромную куклу. Это поистине был царский подарок, с которым она почти не расста-

валась. Та радость и восторг, которые испытала маленькая девочка, до сих пор остались в ее светлых воспоминаниях.

Охта, где жили Смирновы, была деревянной слободкой при большом городе. Когда затянулась петля блокады, то деревянные дома, сараи, заборы начали сносить на топливо. Уже в первые блокадные зимы все деревянные дома были разобраны на дрова. И на Охте остались лишь каменные постройки. Людмила Михайловна не помнит те времена, и я обратилась к литературе, где описывалась Охта в те годы.

Последнюю зарисовку Охты 1942 года оставил житель Г. Кулагин: «Вчера ездил на Охту, пытался получить паспорт, который сдал еще осенью на призывном пункте, собирался уйти на фронт. Охта с реки напоминает открытки с видами Роттердама: мост с башнями, многоэтажные дома с мансардами на переднем плане, судостроительный завод, баржи. Внутри Охта — типичное Николаевское захолустье XIX века. Зимой это сходство было полным. Каланча, будка постового, деревянные дома с резными наличниками, каменные казенные склады, сугробы, девочки в валенках тащат санки с ведрами от речной проруби, идут женщины в полушубках, закутанные в шерстяные белые платки. Лишь изредка грузовик, оставляющий в морозном воздухе запах миндаля и роз, напоминает, что это Ленинград 1942 года». В 1944 году сожгли и дом Смирновых и поэтому им пришлось переехать на Малую Охту, и, конечно же, маленькой Люде пришлось уйти из садика. Поселилась семья Смирновых на улице Стахановцев в доме № 19, и маленькая Люда попала в детский сад на улице Глухой. Сохранились даже фотографии тех грозных лет. Бабушка Люды в то время жила на Васильевском острове и работала в булочной. Маленькая Люда часто приезжала с мамой к ней. И Людмила Михайловна вспоминает свою бабушку, которая так боялась голода, что страх этот у нее сохранился и после войны. Она все старалась запастись впрок. Ведь во время войны она, как и другие радовалась маленькой крохе хлеба. С первых дней войны отец Люды был призван на работу шофером по легендарной «Дороге Жизни». Это была единственная дорога, связывающая Ленинград с «Большой землей». Отец Люды работал со всеми не жалея сил. Положение в Ленинграде было крайне тяжелым. По воздуху не было возможности перебросить необходимые материалы для города, да и через Ладожское озеро немногочисленный озерный флот не мог доставить минимально необходимого. Ждали, когда лед скует воды озера, но окреп он только в конце ноября, и тогда, сначала на подводах, а с 21 ноября на автомашинах стали налаживать движение.

По тонкому льду, а потом в суровый мороз, при обжигающем ветре, под постоянными бомбежками вражеской авиации, застревая в торосах, проваливаясь под лед, шли в Ленинград колонны автомобилей с продовольствием и другими грузами. А обрат-

но на открытых грузовиках везли обессиленных от голода ленинградцев.

Когда же во второй половине мая 1942 года лед на Ладоге едва растаял, начали действовать речники Ладожской флотилии, вплоть до глубокой осени.

Труд каждого человека, работавшего на трассе, был подвигом. Советское командование направляло эскадрильи истребителей для защиты эвакуируемых по Ладоге детей. Благодаря самоотверженности и мужеству летчиков и мастерству водителей грузовиков десятки тысяч ленинградских детей были благополучно доставлены в тыл.

III. ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

АЯЗАН Арам, Лицей Восточной культуры, 9 класс

ТЕАТР КУКОЛ Е. С. ДЕММЕНИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

К 1941 году театр кукол Е. С. Деммени встал в один ряд с лучшими творческим коллективами Ленинграда, выступления кукольного театра пользовались неизменным успехом. Впереди были большие планы.

Но 22 июня 1941 года все перечеркнуло. Началась Великая Отечественная война.

В первые же дни театр откликнулся на развернувшиеся события постановкой специальных политических памфлетов и басен.

Уже на второй день войны поэт А. Флит в содружестве с театром написал политическую басню «Орел и змея» и памфлет «Волчий аппетит». В ту же ночь закипела работа. С помощью других актеров театра кукол М. Дрозжин в одни сутки изготовил куклы и на третий день войны номера были готовы к показу. К этому времени театр уже выделил две военно-театральные группы, по три актера в каждой. Одну из них, в состав которой вошли великолепные петрушечники Ф. Иванов и Л. Иванов, возглавил М. Дрозжин, другую — молодежную — артист-комсомолец Н. Андрейчук. По заданиям Дома Красной Армии и Военно-шефской комиссии Союза работников искусства обе группы начали регулярные ежедневные выступления на агитационных пунктах и вокзалах перед отправляющимися на фронт бойцами.

С одного агитационного пункта на другой, с вокзала на вокзал кочевали актеры, а вскоре последовали за своими зрителями на фронт, выезжая периодически на десять-пятнадцать дней.

К этому времени к репертуару военно-театральных групп прибавились новые политические басни и памфлеты.

Одни из них высмеивали бредовые замыслы Гитлера («Полководцы» А. Флита, «Пес-рыцарь» М. Туберовского), другие учили хранить военную тайну («Лиса и Балаболка» А. Флита), третьи разоблачали бандитский характер завоевателей («Автомотограбители»).

Небольшая трехстворчатая ширма и чемодан с куклами составляли весь багаж мобильных театральных групп. Ни погода, ни «местные условия» не были препятствием для выступления.

В августе группа М. Дрозжина выехала в очередной рейс. Он был рассчитан на две-три недели, но когда фашистам удалось замкнуть кольцо и блокировать Ленинград, бригада оказалась отрезанной от города. Актеры продолжали свой путь вместе с войсками Ленинградского фронта. Бесперывно передвигаясь, делая в сутки 30–40 километров бригада не только продолжала свои выступления, но и готовила новые номера.

Потянулись блокадные дни, но театр оставался в городе и продолжал ставить спектакли, которые стали посещать новые зрители: молодежь, ученики ремесленных училищ и взрослые. Спектакли шли в интервалах между появлениями немецких бомбардировщиков. Но вскоре налеты участились, в день бывало до десяти тревог, спектакли приходилось прерывать; публика протестовала, отказывалась спуститься в убежище; с трудом удавалось убедить ее сделать это.

Вскоре Е. С. Деммени с бригадой Малого оперного театра выехал на Карельский фронт, добавив к своей эстрадной программе новый номер — «Волчий аппетит».

Неожиданно в работе театра произошел перерыв: все актеры были мобилизованы на оборонные работы, но через две недели было решено вернуть труппу и возобновить спектакли.

Все крепче сжималось кольцо блокады, суровее становились дни, к бомбардировке прибавились обстрелы и голод. Нервы были напряжены до предела, и в театре было решено не говорить о налетах и еде; а особый героизм актеров состоял в том, что они ходили на спектакли пешком, многие издалека, но никто и никогда не опаздывал, и ни один спектакль не был отменен.

Театр продолжал работать, но война брала свое.

...Получено ужасное известие: в пути на станции Алеховщина умер М. Дрозжин. Товарищи оставили его больным в госпитале и, даже не подозревая о смерти своего руководителя, поехали дальше.

Голод... Первая жертва — пианист К. Предтеченский, затем — замечательный художник и скульптор, пятнадцать лет проработавший в театре, И. Павлович.

Но театр жил и играл. В помещении театра перестал действовать водопровод, отключили свет. В январе 1942 года спектакли прекратились. Вскоре вернулась группа М. Дрозжина. Стали думать об эвакуации оставшихся кадров театра.

В феврале было решено эвакуировать театр в Ташкент. Выехала небольшая группа — всего восемь человек: В. Форштедт, А. Николаев, О. Волков, Т. Смирнов, Ф. Иванов, Л. Иванов, П. Цветков и Е. С. Деммени — все, кто остались в то время в театре. После девятидневного пути добрались до города Иванове.

Состояние здоровья труппы вызывало опасения — дальше, без риска потерять еще кого-нибудь, ехать было нельзя.

Недолгое время театр Е. С. Деммени проработал совместно с Ивановским областным кукольным театром. Установив связь с С. Маршаком и скульптором М. Артюховой, жившей в то время в Москве, начали работу над постановкой политического обзора «Юный Фриц».

Вскоре театр был стационарирован в Москве и временно объединен с Первым московским кукольным театром.

Репертуар театра на первых порах составили постановки шедших уже ранее в театре Е. С. Деммени пьес, но в новой сценической редакции. В 1943 году, еще во время пребывания в Москве, театр начал подготовку спектакля по сказке В. Каверина «Митька в Кошечьем царстве»; но закончить ее московскому театру пришлось без участия ленинградской труппы, так как в 1944 году театр кукол Е. С. Деммени получил возможность вернуться в родной город.

Восстанавливать надо было не только спектакли. Здание театра сильно пострадало за время войны — был необходим срочный ремонт. В эти дни ленинградцы своими руками помогали возрождению города и коллектив театра включился в эту работу.

Вскоре война закончилась.

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ ВМЕСТЕ С А. С. ПУШКИНЫМ

Девятьсот дней и ночей нечеловеческих усилий защитников города Ленинграда. И все эти девятьсот дней и ночей неизмеримой стойкости и мужества вместе с ленинградцами была поэзия, воодушевлявшая человеческие сердца на подвиги, заставлявшая верить, что Победа обязательно придет.

Б. В. Асафьев, работавший в то время над балетом «Медный всадник», писал: «Я неизменно чувствую, что Пушкин живет своей поэзией в Ленинграде, героически отражающем бешеный натиск фашизма. Живет „Всадник“ — великий Петр, живет и так же властно и гневно, как Евгению — герою поэмы Пушкина — велит забыть все свое личное, все радости и невзгоды во имя родины и ее Славы».

А «6 июня 1943 года, в день, когда исполнилось 144 года со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, в осажденном Ленинграде на набережной реки Мойки появились пешеходы, шедшие в одном направлении. Набережная была пуста, разбита бомбами и снарядами», но литераторы, артисты, ученые, а вместе с ними и фронтовики пришли в этот знаменательный день чествовать поэта. Квартира А. С. Пушкина была пуста, все вещи эвакуированы, «стоял только на небольшом пьедестале бюст поэта, перед ним говорили речи и читали стихи

*Неправда, будто на войне
Смолкает голос муз.
На фронте с Пушкиным вдвойне
Был крепок наш союз, —*

вспоминала В. Инбер в послевоенном 1949 году в своем стихотворении „Русский гений“».

В тот знаменательный день между сердцами этих людей возникло чувство единения, сердца кипели, «переполненные восторгом от сознания своей правоты...

И потому путь к этой голой квартире по пустынной Мойке не выглядел страшным или печальным. Страшно было бы тогда, когда мы оскудели бы духом, когда попросили бы поэзию утешить

и очаровать нас красивым вымыслом. Но в этом мы не нуждались» (Н. С. Тихонов).

На самолете «Александр Пушкин»

В дни Великой Отечественной войны А. С. Пушкин сражался во всех воинских частях: и в пехоте, и в артиллерии, и в авиации.

В 1943 году был построен боевой самолет «Александр Пушкин». Вот что писала газета «Правда» в понедельник, 6 сентября 1943 года:

«Действующая армия, 5 сентября. Писатель Иван Новиков, автор биографической повести о Пушкине и ряда исследований о его творчестве, пожертвовал 100 000 рублей на постройку самолета „Александр Пушкин“.

Два месяца тому назад готовый самолет был передан на заводском аэродроме капитану Горохову, который имеет на своем счету до 300 боевых вылетов.

В боях на Западном фронте капитан Горохов сбил, летая на самолете „Александр Пушкин“, 9 вражеских бомбардировщиков.

4 из них были уничтожены за один день во время боев за Спас-Доменск».

Юрий Горохов погиб 1 января 1944 года. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

После гибели Ю. Горохова самолет «Александр Пушкин» был передан старшему лейтенанту С. Г. Барановскому, сбившему 10 фашистских бомбардировщиков.

После С. Г. Барановского на истребителе летал лейтенант В. А. Бахирев, которым было сбито 4 самолета захватчиков.

Спустя некоторое время, после воздушного боя летчик был ранен и оказался в госпитале, а следы машины, нуждавшейся в починке, как-то затерялись.

Но боевая слава самолета «Александр Пушкин» осталась в памяти навсегда!

По дорогам войны вместе с Пушкиным

*...Сошлись — и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони;
Со свистом туча стрел взвилась,
Равнина кровью залилась;
Стремглав наездники помчались,
Дружины конные смешались.
Сомкнутой, дружною стеной
Там рубится со строем строй;
Со всадником там пеший бьется;
Там конь испуганный несется;*

*Там русский пал, там печенег;
Там клики битвы, там побег;
Тот опрокинут булавою;
Тот легкой поражен стрелою...*

Это всем известные строки Пушкина из шестой песни поэмы «Руслан и Людмила».

В этом отрывке приведено необычайно реальное описание боя. Вероятно, можно сказать, что в какой-то степени здесь отражены и сражения XX века. Когда читаешь эту небольшую часть описания битвы, сердце наполняется чувством гордости за русский народ, испокон веков защищавший свою Родину.

И в годы Великой Отечественной войны чувство патриотизма было сильно у русских защитников. Поддерживать эту любовь к Родине помогал самый что ни на есть русский поэт — Александр Сергеевич Пушкин со своими удивительно мудрыми и гениальными произведениями.

*В огне, под градом раскаленным
Стеной живою отраженным,
Над падишм строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сишбаясь, рубится плеча.
Бросая груды тел на груды.
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят...**

Эти строки были очень близки для сынов России, вставших на защиту своей Родины. Они шли по дорогам войны, неся за спиной в вещмешке вместе с самими вещами томик стихов Пушкина.

*Я с ним замерзал,
У костров обжигался,
В дыму задыхался,
От грохота глож,
Но смерти тогда я не очень боялся,
Казалось, что Пушкин спасти меня мог**.*

Много ли радости на войне? Ответ однозначен. Но человек не должен отчаиваться, у него должно быть что-то дорогое и заветное. Этим дорогим и заветным для многих солдат были стихи Пушкина. Бойцы их читали на привалах, в минуты передышек. Открывая книгу, они мысленно оказывались вдали от ужаса войны, в самых дорогих и близких сердцу местах.

* Отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

** Стихотворение «Томик Пушкина» Г. Ладонщикова.

*Далеко-далеко осталось
Все, чем каждый из нас дорожил,
И частицей земли, казалось,
Этот томик Пушкина был.
И мы видели — сквозь метели
Пугачев по степям шагал,
У Полтавы бои кипели,
Властный голос Петра звучал...*

Пушкинская муза вдохновляла на подвиги, заставляла верить в доброе, помогала сердцам бойцов пройти через весь кошмар войны.

«В те тяжкие времена Пушкин говорил мне:

*Во цвете лет, свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзанья не достоин.*

Я старался быть верным воином свободы. Я видел перед собой смерть. Я стремился быть достойным лобзанья милых жен»*.

А секретарь дивизионной газеты Д. Онегин в письме своим дочерям писал:

«...Милые дочурки, посылаю вам томик Пушкина... Он шествовал со мною всюду. В бою снаряд попал в наше укрытие. Убило товарища... Пусть этот томик, пробитый осколком снаряда, напоминает вам о чудовищных зверствах фашистов, о великой борьбе, какую вели советские люди... Знайте, если папа погиб, он отдал свою жизнь за Пушкина, за русскую землю, за счастье Родины и ваше. Это счастье вернется». Подписано: декабрь 1943 года.

Теперь это письмо хранится в музее Пушкина в Москве. Это послание достойно места в музее, оно доказывает, насколько близок был Пушкин для русского бойца, ведь недаром Д. Онегин в письме к самым дорогим людям пишет о самом дорогом поэте.

А вот еще одно свидетельство. «Мой Пушкин пал жертвой артиллерийской дуэли под городом, упомянутым им в „Истории Петра“ как Пропойск. Теперь город переименован, но при Петре и в нашем военном 1944 году он так назывался. Я оставил одно-томник, с которым не расставался с самых школьных времен, в домике на окраине городка, рассчитывая к вечеру вернуться с передовой; и я вернулся, но домика уже не существовало... Я очень тужил об этой потере. Пушкин был необходим на войне как фронтной товарищ», — рассказывает Евгений Долматовский в своих «Записках поэта».

Но писатель некоторое время спустя вновь обрел необходимого постоянного собеседника. «Пушкин, тоже зачитанный, с по-

* И. Бражнин. Сумка волшебника. Л., Лениздат, 1978. С. 222.

желтевшими страницами, дошел со мною до Берлина. И, если быть точным, — это я с ним дошел, с ним вернулся, чтобы всю жизнь учиться, всю жизнь открывать в известном и знакомом наизусть все новые и новые чудеса мысли и образы...»

В стихах фронтовых поэтов читаем мы истории кровопролитных битв мужественных защитников.

Немало проникновенных слов написано о том, с каким чувством советские воины освобождали Пушкиногорье. Вспомним рассказ поэтический, который несомненно тронет каждого и раскроет мысли и чувства советского солдата.

*Не позабыть мне месяца апреля.
Огнем встречал нас каждый дот и дзот,
Снаряды вражды стаями летели
С одетых снегом пушкинских высот.
...Войска собрались перед полем голым,
Просвистывалось пулями оно...
А за тройным колючим частоколом,
За ржавыми спиралями Бруно
Наш Пушкин был...*

Казалось в это время

*что и нам
Сквозь гром и воюющий металл
Поэт навстречу шел и*

*— здравствуй, племя!
Младое, незнакомое! — шептал*.*

Пушкин сражался вместе с русским народом. Его поэзия поднимала боевой дух, поддерживала веру в то, что победа обязательно придет. А Муза великого поэта сопровождала по всем военным дорогам русского воина.

*Потом в Берлине бой отгрохотал,
Мы за победу поднимаем кружки.
И кто-то на рейхстаге написал:
«От Ленинграда до Берлина.*

*Пушкин»**.*

Русские бойцы и в счастливые минуты Победы не забыли о самом дорогом поэте, чьи произведения сопутствовали им в продолжении всей этой ужасной, страшной войны.

* Смирнов С. В. Наш Пушкин. Советский воин, № 10. 1944 г.

** Дудин М. Стихи о Пушкине. М.: Молодая гвардия, 1949.

РОЖДЕНИЕ БЛОКАДНОГО ТЕАТРА

*Велик тот город и велик народ,
Который в пору страшную осадную
Театр в кольце блокады создает,
И создает симфонию блокадную.*

*Из поздравления к 40-летию
от коллег из Театра Комедии*

1942-й год. Второй год Великой Отечественной войны. Ленинград в блокаде. Голод, холод, отсутствие света, бомбежки, артиллерийские обстрелы. На стенах домов и заборах надписи: «Во время артобстрела эта сторона улицы наиболее опасна», и короткие плакаты из трех слов: «Враг у ворот».

Но город живет, город борется. Работает радио, передавая ленинградцам не только сводки Совинформбюро, но и горячий материал писателей и корреспондентов-фронтовиков, часто звучит всеми любимым голосом Ольги Берггольц. Передачи прерываются воздушными тревогами, и тогда вместо голосов из репродукторов звучит ритмичный монотонный стук метронома. Отбой воздушной тревоги — и радио вновь оживает.

Что касается театров, то почти все они в первые же месяцы войны были эвакуированы в глубь страны. Все театрально-творческие работники, оставшиеся в городе в это суровое время, группировались вокруг Радиокомитета. Люди, которых никогда не видели слушатели — радисты, работники Радиокомитета, — оказались в авангарде ленинградского сопротивления.

Я не могу рассказать на этих страницах обо всех сотрудниках Дома радио — о литературных и музыкальных редакторах, о режиссерах и тонмейстерах, чтецах и оркестрантах. И глубоко сожалею об этом. Каждый из них внес такую часть своего мужества и своего труда, без которой не было бы целого. Ленинградцы никогда не забудут этого.

Артист Александр Янкевский начал сдавать быстрее других. Однажды, когда Янкевский готовился читать отрывок из «Педа-

гогической поэмы» Макаренко, он выглядел особенно плохо. Товарищи решили: человек обречен. Янкевскому предложили отдохнуть — текст передачи прочтет другой. Артист отказался наотрез и, держась за стену, нетвердым шагом направился в студию. Тогда за ним следом послали дублера, который должен был заменить Янкевского, если тот упадет во время передачи. А. Янкевский брел в студию и ни о чем не думал. Мог ли молодой артист, увлекавшийся чуть ли не больше театра педагогической системой Макаренко, предположить, в какую страшную минуту возьмет он в руки «Педагогическую поэму»!

Янкевский вошел в студию и рухнул на стул. Он не думал сейчас о друге, который зачем-то сел рядом с листками в руке. Артист испытывал одно стремление — прочесть передачу до конца. Он включил микрофон, выждал мгновение, собираясь с силами, и начал читать. Янкевский не упал, не остановился. Он прочитал все до конца. И люди слушали Макаренко, согреваясь теплом его сердечности, его юмора.

В центральной «Правде» из номера в номер начали печататься отрывки новой пьесы Константина Симонова «Русские люди». Группа работников Ленинградского радио (Бабушкин, Зонне, Горин, Петрова, Ярмагаев, Миронов, Янкевский) взяла на себя инициативу создания радиоспектакля по этой пьесе. Актеров мало, каждому приходится играть по несколько ролей. Никакой системы магнитной звукозаписи тогда не существовало, играли «живьем». Каждый день, пока пьеса печаталась.

Три раза спектакль повторялся по просьбе радиослушателей.

По инициативе Ленинградской партийной организации было решено создать Ленинградский городской театр. Это уникальный случай в истории мирового театра. Ведь известно, что «когда говорят пушки — музы молчат». Но ленинградцы опровергли это.

Театр, сразу же окрещенный ленинградцами «Блокадный», возглавил режиссер С. Морщихин, лечившийся в городе после ранения. В труппу вошли режиссеры И. Горин, И. Зонне, артисты М. Петрова, М. Павликов, А. Янкевский, М. Домашева, В. Ярмагаев, Н. Левицкий и другие. Их имена надо знать, потому что именно они отдавали все силы театру, заглушая страх и голод, поддерживая в измученных ленинградцах мужество и волю к победе.

Труппе дали помещение театра Комедии, что на Невском проспекте. Здание было запущенное, сырое, холодное. Света не было, воды тоже, сантехника не работала. Из беседы с осветителем театра им. В. Ф. Комиссаржевской Т. К. Чистяковой: «Мы были молодые, голодные. Не топили, мы репетировали в пальто. Дружные были люди — утром и артисты, и технические работники занимались ремонтом, а вечером шли репетиции. Если кто терял карточку — помогали. Работали и не думали о смерти». В октябре 1942-го все было готово, на фасаде здания появилась вывеска:

«Городской театр»

И вот 18 октября 1942 года открылись двери театра, и на спектакль «Русские люди» в постановке Зонне и Горина пришли первые зрители-ленинградцы. «Поднялся занавес. В переполненном зрительном зале — русские люди в ватниках, шинелях, с автоматами — прямо с фронта или прямо на фронт. Ленинградцы воспринимали пьесу как живую быль, как повесть об их славных делах», — так откликнулась на премьеру газета «Известия».

В том же 1942-м состоялась премьера спектакля «Фронт» Корнейчука, в 1943-м — «Нашествие» Леонова и «Жди меня» Симонова. У меня в руках телеграмма, датированная 1943-м годом:

**МОСКВА СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
КОНСТАНТИНУ СИМОНОВУ**

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОРОДСКОЙ ТЕАТР СОЗДАННЫЙ В
ДНИ БЛОКАДЫ 49 РАЗ СЫГРАЛ ВАШУ ПЬЕСУ РУССКИЕ
ЛЮДИ СКОРО ВЫПУСКАЕТ ЖДИ МЕНЯ тчк ГОРЯЧО ПО-
ЗДРАВЛЯЕМ ВАС ВЫСОКОЙ НАГРАДОЙ ЖЕЛАЕМ И ЖДЕМ
НОВЫХ ПЬЕС ЗОВУЩИХ НАШ НАРОД НА РЕШИТЕЛЬНЫЙ
БОЙ С ФАШИСТАМИ тчк ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ**

**ОТ ИМЕНИ ТЕАТРА ДИРЕКТОР БАРСКИЙ
ГЛАВРЕЖ МОРЩИХИН**

Спектакль «Русские люди» за год прошел 60 раз, и его посмотрело свыше 56 000 зрителей.

Осенью 1943-го года в помещении театра Комедии играть стало невозможно из-за отсутствия бомбоубежища, а бомбежки и обстрелы не прекращались. Театр был переведен в помещение Малого оперного театра и получил название — Ленинградский драматический театр. Через год ему дали помещение, в котором театр находится по сей день.

Здание на ул. Ракова, 19, в годы блокады не отапливалось, покрылось плесенью. Опять весь коллектив своими руками отремонтировал помещение.

В 1943–44-м годах театр сформировался окончательно. Труппа пополнилась актерами из Агитвзвода, Дома Красной Армии, вошла в коллектив большая группа актеров ликвидированного Нового ТЮЗа. А в начале 1945-го пришло еще пополнение из театра Красного Балтийского Флота.

Сохранились отчеты, справки о шефской работе труппы в эвакогоспиталях. Так, «в подшефном госпитале № 1014 с января по март 1944-го года проведено 200 человеко-выступлений и систематически даны спектакли».

В одной из справок есть трогательная пометка карандашом: «27-11-44. Дан утренник „Женитьба Белугина“, весь сбор с которого, 13 350 р., поступил в фонд помощи детям фронтовиков».

В течение сезона театр выделял двух-трех исполнителей во фронтовые бригады. Их называли «энтузиастами».

Много интересного впоследствии рассказывали «старожилы» Блокадного театра. Спектакли начинали в 4–5 часов дня, чтобы успеть закончить их до комендантского часа. Большинство работников жили тут же в театре, на «казарменном положении». Помимо пайка, который получали все ленинградцы, артистов подкармливали в гостинице «Астория».

Если во время спектакля начиналась бомбежка или артобстрел, актеры вместе со зрителями спускались в бомбоубежище, а потом, после отбоя спектакль продолжался с того момента, на котором был прерван. Иногда прекращалась подача электроэнергии. Сцена погружалась в темноту. И тогда зрители вынимали карманные электрофонарики — непременную принадлежность ленинградца тех незабываемых лет — и начинали светить на сцену. В зыбком свете сотен фонариков продолжался спектакль. Давно не топлёный, насквозь промерзший зал согревался дыханием сотен людей; героическим защитникам театр был нужен, близок, дорог.

Откуда у артистов брались силы и неиссякаемый энтузиазм? Они работали в нечеловеческих условиях, ночью делали декорации, утром, преодолевая голод, развалины, сугробы, шли на репетиции. Многие были откомандированы в длительную поездку на передовую линию фронта. Они жили надеждой на победу, были уверены, что их труд нужен.

Это был подвиг. Подвиг людей, подвиг граждан.

9 мая 1945-го года окончилась война. Ленинград облегченно вздохнул и зажил мирной трудовой жизнью. Вернулись в город все эвакуированные театры, и Ленинградский драматический театр вступил в новый этап своей жизни. Ныне он известен как Государственный Академический драматический театр имени В. Ф. Комиссаржевской.

ТАНК КВ

Проверка боем

30 ноября 1939 года началась советско-финская война.

Войска Ленинградского военного округа под командованием командарма 2-го ранга Мерецкова двинулись вперед, но натолкнулись на линию Маннергейма — сильно укрепленный рубеж, мощную систему дотов и других укреплений, преодоление которых в условиях быстро наступившей суровой зимы вызвало серьезные трудности. «Узнав об этом, дирекция Кировского завода выступила с инициативой применить тяжелые танки с противоснарядным бронированием для прорыва встретившихся на пути войск вражеских укреплений. В район боевых действий срочно были доставлены опытные танки СМК и КВ, проходившие испытания на подмосковном полигоне осенью 1939 г.»*.

Танк СМК оставил хорошие впечатления в атаке, но в пути одно из попаданий заклинило главную башню. Эта машина так и оставалась до конца войны на месте подрыва.

Гораздо удачнее прошли испытания в боевой обстановке танка КВ. Ленинградские историки так описывают это событие: «Для штурма линии Маннергейма кировским машинам был определен наиболее трудный участок. Он пролегал между оз. Суммаярви и незамерзающим болотом Сунасуо. С левого фланга на высоте сгорбился замаскированный дот. С фронта подземную крепость прикрывали две линии траншей, противотанковый ров, плотная сетка проволочных заграждений и четыре ряда высоких гранитных надолб».

Танки КВ справились с поставленной задачей. Несмотря на то, что на его броне и гусеницах рвалось немало финских снарядов, явных поражений брони танк не имел. Правда, выстрелом из противотанковой пушки был прострелен ствол танковой пушки. Кроме этого повреждения на корпусе насчитали следы 43-х по-

* См.: Музей истории и техники ОАО «Кировский завод». Зал боевой славы (фотографии).

паданий снарядов. От сотрясений отсоединился топливный насос, закрепленный всего двумя болтами. В целом же танк КВ оставался вполне работоспособной машиной.

19 декабря 1939 г. танк КВ был принят на вооружение армии. Готовясь к его серийному производству, конструкторы улучшили крепления всех агрегатов машины, усилили днище, установили пулемет в лобовом листе корпуса. Обновленная машина получила индекс КВ-1.

Успешное испытание на линии Маннергейма первых образцов тяжелых танков привело к мысли оснастить боевую машину более мощным орудием. Чтобы решить эту задачу, на Кировском заводе объединили усилия двух конструкторских коллективов — танкового СКБ-2 и артиллерийского опытного конструкторского отдела (АОКО).

Новой машине присвоили индекс КВ-2. В качестве вооружения выбрали мощную 152-мм гаубицу М-10. От КВ-1 машина отличалась в основном увеличенной по размерам башней, в которой поместили гаубицу, взятую практически без изменений. Боекомплект орудия составлял 36 выстрелов отдельного заряжания. Снаряды имелись двух типов: бетонобойные и бронебойные. Башня поворачивалась при помощи специального механизма с электро- или ручным приводом. Экипаж танка увеличился до 6 человек. Установка столь мощного орудия привела к уменьшению удельной мощности машины, которая стала 8,3 кВт/т против 9,2 кВт/т у танка КВ-1. Среднее удельное давление увеличилось с 0,77 (КВ-1) до 0,84 кг/см². Максимальная скорость снизилась незначительно — до 34 км/ч. На корпусе и башне стояла все та же 75-мм броня.

Испытания нового танка проходили на линии фронта. Возможность ведения огня с близкого расстояния мощным орудием, установленном на неуязвимом танке, неизмеримо повысила эффективность борьбы с долговременными оборонительными сооружениями и сыграла немаловажную роль при прорыве линии укреплений на Карельском перешейке. Тогда же танк КВ-2 был принят на вооружение Красной Армии и до второй половины 1941 г. находился в серийном производстве Кировского завода.

Мощь тяжёлых танков КВ в боях за Родину

Танки КВ успешно взаимодействовали с пехотой. Дважды Герой Советского Союза маршал бронетанковых войск Катуков писал: «Но уже по опыту боев на Украине я пришел к выводу, что успех боевых действий непосредственно зависит от взаимодействия родов войск, в том числе танков с пехотой. В лагере мы убедились, что тридцатьчетверки, а тем более КВ без каких-либо осложнений несли на броне пехотный десант. Прекрасные машины выдерживали дополнительные нагрузки без поломок и аварий».

Немцы создали снаряды, способные пробивать броню танков КВ. «Среди трофеев наше внимание привлекли тяжелые орудия. На их щитах красной краской был нарисован танк КВ и стояла надпись: „Стрелять только по КВ“. Снаряды к этим орудиям были необычной формы, потом они получили название подкалиберных. Наружная оболочка их была сделана из мягкого металла. Он облегал закаленный сердечник. Эти-то снаряды и пробивали мощную броню КВ».

Кировская машина прекрасно проявляла себя и на городских улицах.

«Одним из первых в Каменку ворвался КВ лейтенанта Каландадзе. Заметив, что из двухэтажного кирпичного дома в панике выбегают немецкие офицеры, лейтенант приказал водителю-механику таранить дом. Тяжелая машина врезалась в дом и он завалился. Осколки кирпичей застучали по броне. Черный от гари и пыли, покрытый вмятинами КВ носился по городу, уничтожая огнем и гусеницами огневые точки врага. Десантники, соскочив с танка, выкуривали гитлеровцев из дотов и дзотов».

Генерал Райгардт, командир 41-го танкового немецкого корпуса так описал первый бой с КВ: «Примерно сотня наших танков... заняли исходные позиции для нанесения контрудара. С трех сторон мы вели огонь по железным монстрам русских, но все было тщетно. Русские же, напротив, вели результативный огонь. После долгого боя нам пришлось отступить, чтобы избежать полного разгрома. Эшелонированные по фронту и в глубину, русские гиганты подходили все ближе и ближе. Один из них приблизился к нашему танку, безнадежно увязшему в болотистом пруду. Безо всякого колебания черный монстр проехался по танку и вдавил его гусеницами в грязь. В этот момент прибыла 150-мм гаубица. Орудие открыло огонь, но опять-таки безрезультатно. Один из советских танков приблизился к гаубице на 100 м, артиллеристы открыли по нему огонь прямой наводкой и добились попадания. Танк остановился, но вскоре ожил и начал приближаться к орудию. Еще минута, и блестящие металлом гусеницы русского танка словно игрушку впечатали гаубицу в землю...» Часто гусеницы были единственным оружием КВ — боеприпасов катастрофически не хватало.

Определяя значение танка КВ в ходе войны, будет уместным привести высказывания инженера Н. Королькова, работавшего на заводе в годы войны:

«Это был первый однобашенный танк с противоснарядной броней. Броневая защита КВ, достигавшая 75 мм, в начальный период войны не пробивалась ни одной танковой или противотанковой пушкой гитлеровцев. К 1943 г. гитлеровцы построили танки „пантера“ и „тигр“. Эти танки вместе с тяжелыми артиллерийскими установками являлись главной ударной силой бронетанковых войск немецко-фашистской армии.

Советские бронетанковые войска к тому времени сделали новый толчок в своем развитии и по многим показателям превзошли бронетанковые войска гитлеровской армии. Броня башни тяжелого танка КВ повысилась до 100 мм вместо 75 мм; установлена 85-мм пушка. На базе первого тяжелого танка промышленность дала Советской Армии тяжелые танки ИС-1, ИС-2, а затем ИС-3, СУ-100 и ИСУ-152».

Тяжелые танки несли меньшие потери, чем танки других систем. Так, в целом за войну потери тяжелых танков составили 49,5% от общей их численности, в то время как потери средних танков составили 80,3%, а легких — 79,1%.

Потери тяжелых танков могли быть и меньше, если бы бронетанковые войска имели специальные эвакуационные средства.